

Аполлон
ЗУБКОВИЧ

СВЯЗЬ БЕСПОКОЙНЫЕ ГОДЫ XX ВЕКА

1. Николай Зубкович – отец ??? деда.
2. Семейное фото: А.А. Тарвид и Е.С. Зубкович
3. Дети Тарвид (Зубкович):
Аполлон, Борис, Елена, 1902 г. Барнаул
4. Молодожены, 1914 г. А.Н. Зубкович, М.В. Зубкович (Чуклина)
5. Семейное фото, 1940 г.
А.Н. Зубкович, Б.А. Зубкович, М.В. Зубкович
6. Папа вернулся с фронта, 1945 г.
Зубковичи: Борис, Мария Васильевна,
Вера Константиновна, Борис Аполлонович
7. Сын Б.А. Зубкович, Рига, 1946 г.
8. Дед Аполлон, 1950 г. Башкирия
9. Последнее фото деда, осень 1976 г. Петрозаводск.
Внук Б.Б. Зубкович, правнук Кирилл Зубкович,
Зубкович Аполлон Николаевич

Мой дед, Аполлон Николаевич Зубкович, родился 5 февраля (по старому стилю) 1889 года на берегу красивейшей реки Печора в селе Покча Пермского края (в советское время – Молотовская обл.) в семье лесничего Тарвида Антона Адамовича и Петровой Елизаветы Степановны.

Родители деда приехали на Урал из-под Вильны (теперь Вильнюс, Республика Литва). Брак с Тарвидом у Елизаветы Степановны был вторым. Первый брак с Николаем Зубковичем был очень кратким, сколько он продолжался и почему закончился, теперь уже не установить, он был заключен, скорее всего, по католическим канонам, а разводы у католиков не приветствовались, и поэтому второй брак с Антоном Тарвидом зарегистрирован не был. Потому по документам дед Аполлон и другие дети Тарвида (младшие Борис и Елена) значились как родившиеся от мамы – Елизаветы Степановны Зубкович и лесного кондуктора Николая Зубковича, «находившегося в неизвестной отлучке» с февраля 1888 года.

Вопрос о происхождении деда Аполлона после смерти его родителей так и остался неясным навсегда; родители не были до конца откровенными с детьми. На вопрос деда к маме – почему же она не развелась с Зубковичем? – она ответила, что он соглашался на развод после того, как она заплатит по 200 рублей за каждого прижитого с Тарвидом ребенка. Уплатить 600 рублей она не могла. Если учесть, что корова в то время стоила 25 рублей, то 600 рублей были очень большими деньгами.

С первых лет учёбы в реальном училище г. Барнаула дед вёл дневники или отрывочные записи на отдельных листах, которые сохранялись до конца 80-х годов прошлого века и легли в основу этой публикации. Часть дневников сохранилась в архиве Республики Карелия, часть записей и альбомов осталась у нас в семье, а большая часть уже утрачена. Публикация была дополнена многими устными воспоминаниями деда, которыми он делился со мной при беседах уже в 60-70-е годы прошлого века.

Кроме дневниковых записей во время войны и сразу после дедом были написаны две повести – «Записки врача-партизана» и «Мимоза» – про то, как жили, любили и воевали женщины в трудных условиях партизанской войны. Повести написаны простым и честным языком, с медицинскими профессиональными отступлениями, потому что, кроме того что дед был партизаном, он был до мозга костей врачом-гинекологом и многие свои записи «разбавлял» чисто профессиональными отступлениями.

В 1914 году дед, тогда ещё 25-летний молодой человек, женился на Марии Васильевне Чукли-

ной, происходившей из старинной сибирской интеллигентной семьи. Бабушка Маруся (я звал её просто Муся, так же как её звал дед) была очень красивой женщиной до самой старости. Куда бы ни заносила судьба деда, она всегда была рядом и много сделала для того, чтобы дед не отвлекался на хозяйственно-бытовые мелочи, а крепко занимался медициной.

После войны деду предлагали должность подполковника и службу в Москве по организации гинекологической службы в Красной армии по линии Министерства обороны СССР. Но дед хотел конкретной практической работы и уехал в подмосковный Наро-Фоминск, где стал главным врачом роддома. В это время мои родители уехали обустроиться в Ригу, а я остался жить у бабушки с бабушкой в Наро-Фоминске. В это время мне было 6 лет, но в памяти сохранились виды разрушенного города, большие воронки от бомб, разбитая военная техника, колонны пленных немцев, которые работали на разборке развалин и строительстве домов. Ещё запомнилось, что иногда по вечерам мы все уходили в лес за город пострелять из боевой малокалиберной винтовки и такого же пистолета, которые дед привез с войны в качестве трофеев.

Дед был человек разносторонних увлечений, он очень хорошо рисовал карандашом и маслом, увлекался фотографией и отлично играл в шахматы. Единственно, чем он не занимался, так это домашним хозяйством, все гвозди в доме забивала бабушка Муся, она же чинила всю домашнюю утварь, сколачивала ящики, когда надо было послать посылку, отрубала головы курам, которых мы покупали живыми на рынке. Кроме того, она очень вкусно и профессионально готовила, а также отлично шила любую одежду не только всем нам, но ещё и по заказам знакомых людей, тем самым пополняя семейный бюджет в трудный послевоенный период жизни.

В 1961 году дед вместе с любимой супругой приехал в Петрозаводск, но и здесь даже в возрасте 72 лет не расстался с любимой гинекологией и поступил сначала работать заведующим гинекологического отделения Петрозаводского гарнизонного госпиталя, а потом врачом-гинекологом в больницу в п. Солонное. Дед активно участвовал в общественной работе, читал лекции молодежи по половому воспитанию и консультировал женщин по животрепещущим вопросам. Просветительская работа была его любимым коньком.

Борис Зубкович

Детские годы

В 1897 году контора Гурьевского лесничества была переведена в Гавриловский завод Кузнецкого уезда. Здесь прошли мои детские годы. Наша семья поселилась в бывшем доме управляющего сереброплавильного завода, в огромном барском доме в семь комнат, с большим садом старинных деревьев. Отец много времени проводил у себя в конторе, с лесниками часто выезжал на объезды лесных угодий, но много времени уделял и нам, детям.

По своей деятельности отец был связан с промышленниками – владельцами металлургических заводов, однажды один из них как-то пригласил его познакомиться с производством чугуна и серебра. Отец решил взять на эту экскурсию не только маму, но и нас с братом. Завод нам показался очень большим и мощным. В лавках местных купцов продавались изделия завода: серебряные сахарницы, столовое серебро, а также чугунные изделия очень тонкого и точного литья – чернильницы, приборы, пепельницы, подсвечники, изящные полочки и прочее.

Мы прошли по всему заводу, запомнились шум, грохот, закопченные стены и чумазные рабочие в длинных шерстяных серых фартуках и таких же широкополых шляпах.

Последним объектом экскурсии был цех серебряного литья. Как раз в это время должен был производиться выпуск выплавленного металла. Сопровождающий работник завода отвел нас подальше от пышущей жаром печи, а рабочие, взяв длинный металлический штырь, втроем стали долбить леток печи, и вдруг из пробоя хлынул в желоб поток расплавленного металла. Подъемный кран одновременно подвел под желоб висящий котёл. Ярко-желтая искрящаяся жидкость металла полилась в него. Потом котёл наклонили и огненную массу серебра начали разливать по формам. Огненные брызги массами полетели по всему зданию, фонтанами поднимаясь к потолку, и опускались потом на пол и на рабочих. Невольно хотелось спрятаться подальше, но рабочие смело ходили – значит, опасности не было, да и мама как будто была спокойна. Зрелище было завораживающим – серебряный дождь падал на нас сверху. Никогда после этого я не видел столько серебра.

В течение года перед нашим домом отец обрабатывал землю и посадил сад. Я помогал копать ямы, носить удобрения и землю на носилках, отец прививал мне навыки к физическому труду.

Теперь о своем детстве невозможно спокойно говорить; мы, дети, на дворе были предоставлены самим себе. В «людской» комнате у нас всегда было

много народу: кухарка, горничная девушка, кучер Егор, прачка. С кучером мы переживали много волнений. Горячая лошадь плохо его слушалась, он ругался. А однажды она встала на дыбы и ударила его подкованным копытом передней ноги по голове, после чего он лишился дара речи и мог произносить только нечленораздельные звуки. Он жаловался на головные боли, но общее самочувствие было неплохое. Когда мы сидели за столом в кухне и смотрели на его забинтованную голову со страхом, он передразнивал нас с улыбкой и гудел без слов. Родители срочно вызвали врача. На следующий день мать приготовила одну комнату для операции.

Когда приехали врачи – хирург Закржевский и старый участковый врач Ястребов, нас закрыли в отдельной комнате. Егора принесли и положили на стол, сделали обезболивание. Помню только, что любопытство взяло вверх, я подкрался к дверям и услышал стоны и удары молотка. Выяснилось потом, что была сделана трепанация черепа, были удалены обломки костей, вдавившиеся в мозг. Очень скоро после этого Егор выздоровел и заговорил.

Этот случай, возможно, послужил одной из подсознательных причин моего желания быть врачом.

Родители наши очень часто уезжали в гости в соседние села или в свою деревню, и всё наше свободное время мы – трое детей – проводили на улице, играя с деревенскими детьми, или шалили с прислугой на кухне, куда приходили парни и девушки из деревни. Любимой игрой у нас были «гонки». Мы уводили всех собак и кошек в самую дальнюю шестую комнату, распределяли каждому по одному животному и по команде «раз, два, три» со шлепаньем в ладоши отпущали всю свору наперегонки в кухню.

Мы очень любили проводить время в кухне. В «людской» комнате мы знакомились с деревенской молодежью, входили в курс отношений молодежи между собой, по-своему поверхностно понимали их интересы, прислушивались к их разговорам. Они научили нас петь хором самые неприличные песни, не понимая их смысла и терминологию. Поощряемые общим смехом молодежи и шутками, мы много раз повторяли пение этих песен, не вникая в их содержание.

Родители не представляли себе и сотой доли того, что творилось без них дома. Девушки по вечерам играли с нами... Глубочайшая наивность и невинность спасли меня от прозы жизни в раннем детстве, когда я не понимал «толстых» намеков озорных девок.

Обычно принято считать врачей-гинекологов циниками, склонными на интрижки, романы с больными и даже на половой шантаж. За всю многолетнюю практику гинеколога ни одна из нескольких тысяч

женщин-пациенток не могла бы сказать, что с моей стороны были такие поползновения, наоборот, воспитывалась сдержанность. Я замечал потом в отношениях с женщинами, что эта черта характера привлекала сначала, а потом отталкивала женщин.

В 1898 году нам наняли «бонну», или гувернантку, – молодую учительницу Быкову Елену Ивановну, которая жила у нас около года, проводила со мной занятия, готовила для поступления в 3-й класс сельской министерской школы (в отличие от церковно-приходской школы, которая по программе была хуже). Вскоре для меня нашли и хорошего воспитателя, учителя Равмазина Ивана Николаевича, который широко понимал подготовку и воспитание, за два года сумел заинтересовать учебой и хорошо меня подготовил.

Он изготовил для меня и демонстрировал различные препараты в коробках под стеклом, коллекции растений, модели сельскохозяйственных орудий, машины, коллекции бабочек, жуков, знакомил с технологией производства бумаги, тканей, разных полуфабрикатов. Впоследствии эти коллекции он демонстрировал перед учащимися Салаирской школы, куда он поступил заведующим. От его метода воспитания я получил большую пользу, хотя он был довольно флегматичный, малоразговорчивый и аполитичный, но очень добрый человек.

Наша семья любила его и уважала. Родительское воспитание было далеко не блестящим. Мать – учительница, отец – с высшим образованием, оба культурные люди, непонятно только, почему они содействовали нашей беспризорности, или, увлекаясь своей молодостью, слишком много времени уделяли личной жизни.

В среде заводских детей мы чувствовали себя вольными птицами, быстро усваивали грубости улицы.

Моими любимыми занятиями и играми с мальчишками были бега на призы, где я часто бывал победителем и забирал первые призы в виде длинных рядов бабок (позвонковые кости животных для игры «в бабки»). Самой любимой игрой с мячом было «бить-бежать». Бегал я очень быстро, но в памяти остались некоторые моменты, когда, переутомленный бегами, я бледнел, прижимался к стене и приходил в себя в течение нескольких минут. Из отдельных эпизодов игр вспоминаются несколько случаев и приключений. Я любил ездить на свиньях верхом, держась за уши. С визгом носился по двору, пока не сваливался. Или гонялся с палкой за многочисленными домашними животными и птицами (гуси, утки, индюки). Однажды я гнался с прутом за свиньей по двору. Вдруг из-под телеги приехавших гостей

выскочил большой черный пес, бросился на меня, запрыгнул мне на спину и разорвал кожу на плече. Помню, я с криком бежал домой, оставляя кровавый след.

Большое удовольствие доставляла нам, ребятам, игра в «обедню». Всю живность двора мы сгоняли в угол, где стояла кабинка уборной, битком набивали кабинку различными птицами, закрывали их в страшной тесноте. По одному они вынуждены были через очко стульчака и выгребную яму вылезать во двор, на волю. Терпения у нас надолго не хватало. Отметив самых находчивых из птиц, мы кончали «обедню», и в открытую дверь выходила толпа птиц, ослепленная ярким светом дня после тьмы уборной.

Однажды мы с братом заинтересовались шестерней с шипами на барабане молотилки во дворе соседей. Я встал ногами на чугунное колесо, держась правой рукой за шестерню. Колесо медленно само повернулось, и кисть руки ущемило зубчатым колесом. Был перелом первой фаланги безымянного пальца с отрывом ногтя.

Трудно себе представить, какими были бы последние нашего образа жизни, если бы обстоятельства не разбили вскоре нашу теплую компанию. Но к изложенному выше необходимо добавить, что в нашем воспитании было и хорошее влияние на нас родителей. С большой благодарностью я могу вспомнить об их постоянном настойчивом стремлении внушить нам, чтобы мы любили правду, чтобы не были разборчивы в пище и ели всё, что подаётся к столу, чтобы не увлекались сладостями.

Эти качества были мной усвоены навсегда и пригождались в жизни много раз. Попадая в тяжелые условия, главным образом на войнах, а также в быту, когда многие без сладостей не могли обходиться, я не испытывал в них потребности. С отцом отношения были очень хорошие, только раз в жизни произошел жаркий спор о моем участии в политической жизни молодежи. Когда наши разногласия зашли слишком далеко, он бросил реплику: «Тогда уходи вон из дома!»

В 1899 году я был направлен в Гурьевскую министерскую школу, где был принят в третий класс, согласно предварительной подготовке на дому за первые два класса первоначальной школы, и был помещен на жительство на квартиру к Анне Михайловне Успенской – учителю 3-го класса, хорошей знакомой моих родителей. Это был первый год жизни без родителей. Он прошел без особых приключений, только остался неприятный осадок от поведения Анны Михайловны, которая избивала учеников, плохо отвечающих на уроке или озорничавших. Это была её система воспитания. Била пальцами руки по лбу, била ли-

нейкой по голове или просто рукой по лицу, ставила в угол на колени, драла крепко за уши и т.п., но ко мне это не относилось, за год я только один раз стоял в углу.

В реальном училище в Барнауле

В 1900 году я был отправлен в Барнаул. Родители сдали меня директору реального училища. Училище «Императора Николая II» – так гласила большая вывеска на здании, фото которого до сих пор хранится в одном из наших альбомов. Помню, что второе от угла дерево – тополь, было посажено мной, когда мы всем училищем сажали деревья. Отец имел с директором Рябиным длительную беседу, после чего я был принят в первый класс без экзамена и помещен в пансион училища за плату 100 рублей в год на всём готовом, а мне выдали мундир с золотым галуном и девятью блестящими пуговицами в ряд.

За год в пансионате я получил первый жизненный опыт и навыки в строгом выполнении порядка дня. Получил навыки и в соблюдении строгой дисциплины на уроках. У нас были любимые преподаватели, как, например, Евреинов – по рисованию, Верещагин – по естествознанию, Шубкин – по русскому языку. Но большинство были сухие педанты, люди «в футлярах», щеголявшие блестящими мундирами, как, например, инспектор Галанин – математик, по прозвищу «лютая тигра», Антонов Григорий Николаевич и другие. Они нас ругали за разные мелкие провинности, давали щелчки в лоб, а за более серьезные проступки сажали «в карцер» на несколько часов, закрывали на замок в пустом классе. Сидеть было очень скучно, мы осматривали содержимое парт, проливали чернила, а однажды я, сидя в заключении, нашел портмоне без денег. Я влил в него чернила и выбросил через форточку на тротуар. Проходящая дама подняла его и быстро спрятала в карман. Это всех очень развеселило, когда я рассказывал об этом в классе.

Особенно я любил зоологию, космографию, ботанику. По русскому языку за диктовки и сочинения я всегда имел «5». Охотно изучал физику, с трудом запоминая сложные формулы по Краевичу. Очень любил рисование и хорошо рисовал, особенно гипсовые скульптуры. С трудом мирился с арифметикой. Не любил Закон Божий, но добродушный образованный батюшка – отец Иван Горятковский, умел подойти к учащимся, проявляя терпимость к ядовитым вопросам. Закон Божий отчаянно зубрили: Ветхий и Новый Завет с перечислением святых, царей, пророков. Зубрили заповеди, символ Веры; целый ряд богослужений и массу молитв мы знали наизусть.

Каждый «царский день», каждое воскресенье нас гоняли в церковь к обедне, а накануне – к вечерне. Становились попарно длинной колонной, производилась переключка с отметкой неявившихся, и колонна под командой бородатых воспитателей в парадных мундирах двигалась по улицам города.

Если воспитатель зазеваётся, многие шмыгали за угол и убежали, особенно по вечерам. По полтора-два часа приходилось выстаивать в церкви. Уставали, всё надоедало. Некоторые просились в уборную. Любили озорничать, когда по ходу службы все становились на колени. Можно было прилечь или сесть, ущипнуть соседа или дать тумака. Поп внимательно следил в щелку из алтаря, и провинившихся заставляли перед алтарем отбивать поклоны много-много раз.

Единственной знакомой семьей в городе были Лаврентьевы, к которым меня отпускали по воскресеньям. У них на квартире жили две девочки-гимназистки 1-го класса, с которыми я часто встречался за чаем и обедом. Девочки были тихие, скромные, нарядные, и я очень при них стеснялся и чувствовал себя натянуто. Наше знакомство с ними и в следующие годы осталось очень официальным.

Вообще, мое поведение в городе как небо от земли отличалось от того, что было в деревне и начало уже забываться под влиянием совершенно новых впечатлений городской жизни. От всех похабных замашек деревенской жизни не осталось и следа, наоборот, мной овладела страшная застенчивость и стыдливость в женском обществе. Я стал чрезмерно стеснительным, робким, малообщительным в чужой среде. Может быть, это очень интересовало женский пол, знакомые женщины хвалили меня на все лады, находя во мне бездну хороших наклонностей, а главное – скромность и, что интересно, неиспорченность. После всего пережитого в деревне нельзя было согласиться с этим, но всё же приключения в деревне не внесли, видимо, серьёзной травмы разврата в сознание, коснулись поверхностно.

В 1902 году отец был переведен с должности управляющего Салаирским лесным имением Кузнецкого уезда в Барнаул на должность лесного ревизора. Надо сказать, что в то время Барнаул представлял собой большую грязную, засыпанную песком деревню с 30 000 жителями, с пимокатными, кожевными, шубными, пивоваренными и другими мелкими заводиками местных купцов. В прошлом Барнаул был вотчиной купцов Демидовых. В нем был золотоплавильный завод и даже, кажется, монетный двор, в котором печатались огромные медные деньги с названием «барнаулки», которое вошло в сибирский лексикон.

Первые годы жизни нашей семьи в Барнауле про-

ходили с неприятностями в связи с тем, что мать жила невенчанная, гражданским браком с лесничим Тарвидом, вторым её мужем, имеющим польско-литовские корни. Жены чиновников косо смотрели на такую «незаконную» семью, боялись себя скомпрометировать близостью с такими вольнодумцами, боялись даже приходиться в гости.

Только большая культура и выдержка родителей произвели перелом в этих настроениях. Общество чиновников, верхи местной буржуазной интеллигенции, в особенности либерально настроенная её прослойка, приняли нашу семью в свою среду, воспылали симпатиями к ней, и маме приходилось принимать много гостей.

Часто по вечерам поднимались горячие споры на политические и религиозные темы. Нам, ребятам, в этих случаях предлагали идти в свои комнаты играть или спать. А так хотелось узнать, из-за чего же они спорили? Краем уха мне удалось понять, что разговоры шли о Дрейфусе, о деле Бейлиса, который был евреем и будто бы убил русского мальчика, чтобы использовать его кровь для ритуальных целей. Говорили об отлучении Льва Толстого от церкви, о героической войне буров против англичан. Всё это воспринималось мной очень поверхностно. Я только понимал, что отец был против попов, против религии.

Отец вообще был большой враг попов. У нас в доме из 6 комнат только в переднем углу зала висела, едва выглядывая среди цветов, одна маленькая икона. Она вывешивалась по настоянию мамы, чтобы успокоить публику, демонстрируя благонадежность, и чтобы отцу по службе не было неприятностей. Только раз в год заходили к нам попы на Пасху, торопливо громко пели минут пять, на ходу тыкали всем в губы большущий крест для целования и спешили дальше на обход, который давал им большие заработки. Их всегда угощали рюмкой водки и бутербродами с ветчиной.

До 4-го класса моя ученическая жизнь протекала безмятежно. Вспоминается один момент в моей повседневной жизни – родители много курили, по 50-60 папирос в день. Гильзы с папиросами фабрики «Катык» по 100-200 штук я был обязан набивать сухим табаком фабрики Стамболли. Работа была трудоемкая, но всё же она не подтолкнула меня начать курить.

Начиналось раннее юношество. В 1904 году я позناкомился с некоторыми девушками своего возраста. Начались первые ухаживания и зарождение дружеских отношений. Зачастили прогулки компанией и общие развлечения. В этих отношениях всякий элемент сексуальности отсутствовал. Была большая стеснительность. Страшно было даже предло-

жить руку спутнице по прогулке. Был какой-то страх обидеть прикосновением.

А первые дружеские отношения с девушками проходили по-детски. У первой моей симпатии были темные косы, хороший цвет лица и ...больше, пожалуй, ничего. Но инстинкт пола зародил дружбу. Чувства были погребены в глубине души, я стеснялся их проявить, но платоническая привязанность продолжалась 2 года – с 1902 по 1903 год.

В эти годы я начал вести дневник. Балы, танцы, катания на лодках компаниями, вечера в гостях, гуляния под руку. Я, видимо, не пользовался взаимностью, скоро я убедился, что моя излишняя скромность, робость совсем расхолодили подругу, и более активный ухажер Саша заинтересовал её гораздо сильнее. Наша дружба постепенно сошла на нет без особых приключений и объяснений.

Следующей моей симпатией была Маруся Чуклина. Девушка скромная, простая, внешне очень интересная, ничем особо не выделявшаяся, которой впоследствии суждено было стать моей спутницей навсегда. Все этапы взаимоотношений полов были пройдены от первой симпатии до дружбы, зарождения любви и её развития. Время летело в массе развлечений и глубоких переживаний первой любви. Юность прошла в учебе, которой наша компания уделяла время постольку-поскольку, а всё остальное время шло на развлечения.

В нашей компании было человек 10-12, зимой ездили кататься на тройках в окрестные деревни, дурачились, вываливались из кошевок в снег на поворотах и нырках, ходили по темному страшному лесу в полной тишине с одной свечой по узкой тропинке. Катались на коньках, на лыжах. Летом на лодках добирались в верховья реки Барнаулки по красивым окрестностям, катались на пароходах по Оби. На лето наша семья выезжала на Алтай, в Сузун или другие районы.

В последние годы ходили на спектакли, в основном на галерку, на маскарады, устраивали дома спектакли, в которых сами выступали артистами. Изобретательности в развлечениях не было границ, но все вечеринки проходили без алкогольных напитков. До этого мы просто не додумались – было весело и так.

В 1904 году из первой дружбы с Марусей Чукиной выкристаллизовалась первая любовь. Начала редко и робко, а потом всё чаще назначались свидания.

В 1904 году в жизнь нашей молодежи ворвался новый фактор. В реальном училище началось «брожение» учащихся. Детские игры, массовые свалки по коридорам, взятие снежных крепостей со снежными бомбежками постепенно отходят на задний

план. Мы начинаем знакомиться с жизнью социал-демократии, собираемся нелегально на квартирах местных социал-демократов, получаем первое знакомство с работами Плеханова, с книгой «Что делать?» в рукописях.

Мы узнаем, что один из наших преподавателей – историк Леонид Иванович Шумиловский, тоже социал-демократ; эта новость сообщалась тогда под большим секретом. В наших глазах он был герой. Его авторитет среди учащихся быстро начал расти. Большой частью каждый считал прогуляться с ним в перемену по коридору. В беседах с ним часто участвовала целая толпа ребят. Ученики Михалев, Строганов, Хасин, Богословский, Кучин, Эйсмонд и другие выделяются как наиболее активные передовики. К этой компании тяготел и я – с ними проходили часы наших собраний.

Много-много позднее мы узнали из газет, что Хасин в первые годы советской власти занимал пост главного прокурора республики, а Эйсмонд был министром труда. Но затем фамилия Григория Леонидовича Хасина из газет исчезла.

Брожения среди учащихся начались с недовольства плохими преподавателями, устраивались неожиданные летучие сходки в часы уроков. Напрасно инспектор Галанин и преподаватель Антонов старались успокоить учащихся, никто ничего и слушать не хотел. Возбужденные толпы бежали мимо них, не обращая внимания на увещевания.

Мои родители расспрашивали о событиях в школе, мать особенно настаивала, чтобы мы говорили всю правду, чтобы не вдавались в крайности и т.д. Происходили семейные сцены. В меня вдалбливали задачу «выйти в люди», чтобы «не быть пастухом», что надо учиться и учиться, чтобы получить образование, а не устраивать сходки и срывать занятия, что «это ничему не поможет».

Однажды отца вызвали в кабинет начальника Алтайского округа его Величества. Все земли округа принадлежали лично государю. Начальник – Ульрих – приказал отцу выехать в Бийский уезд для улаживания инцидента с крестьянами по земельным вопросам. Отец вернулся через 2 дня взволнованный, удрученный, даже прямо больной. Он рассказал, что крестьяне предъявили явно невыполнимые требования и за отказ в выполнении требований возбужденная толпа готова была броситься на него. На ночь в деревне он не решился, знакомый крестьянин вывел из двора за недоуздок лошадь без седла, и отец на ней ночью умчался в соседнюю деревню, а назавтра вернулся в город с разбитым седлом. Это были первые проявления революционных настроений в крестьянских массах. Видимо, крестьяне потребовали тогда раздела царских земель.

Однажды я сказал отцу, что царь угнетает народ, что с ним нужно вести борьбу, и спросил, почему он этого не понимает и не участвует в собраниях против царя? Он спокойно ответил, что раз находится на службе в его землях и получает от него жалованье, то не хочет быть подлецом. Отец был типичным представителем интеллигенции в царское время, а именно представителем либерального крыла интеллигенции. Родители скрывали от нас проявления своего либерализма. Помню, когда вечерами у нас собирались знакомые, нас, детей, всегда удаляли из комнаты.

События в школе нарастали, как снежный ком. У нас был организован подпольный кружок по изучению политэкономии. Мы принимали участие в массовых собраниях (массовках) за городом, стояли в пикетах с проверкой пароля, что очень льстило нам как участникам митингов. Однажды на городскую конспиративную сходку, организованную социал-демократами на квартире у старого революционера Штильке, нагрянула полиция. Входы и выходы были заняты, всех переписали. Арестов, правда, не было.

В подпольных кружках переписывали и размножали статьи и произведения Ленина.

В 1904 году мне было 15 лет. Я был второй год в 4 классе. Нельзя сказать, что я был неспособный, но наша компания не отличалась вообще способностями. Главной причиной второгодничества было отсутствие желания хорошо учиться, задачей было лишь получить тройки и всё остальное время посвятить развлечениям, которые носили детский характер: катание на лодках летом, катание на лошадях и лыжах зимой. Теперь приходится удивляться, как свободно соглашались родители на наши тройки и обилие развлечений. В 1905 году мы летний отпуск отца провели в селе Тоурак, в горах Алтая, в 20 км от Черного Ануя, на реке Песчаной. Красивейшие окрестности.

В это время я писал дневник, темами которого были революционные события и отношения с девушками. Мы называли их «барышнями». У каждого мальчика была своя симпатия. Наши училища (реальное училище и женская гимназия) были почти рядом, через один квартал. Мы составляли списки девушек, периодически ставили им свои отметки за личные качества. Девушки делали списки мальчиков, делали свои характеристики и ставили за это тоже свои отметки. Обо мне я однажды прочитал меткую характеристику в трех словах – «как сонный порошок», а отметка всё-таки была «5».

После 9 января 1905 года, когда царем была расстреляна демонстрация у Зимнего дворца в Санкт-Петербурге, движение учащихся из академического приняло явно политический характер.

Начались забастовки в реальном училище, в женской гимназии. Среди учащихся появились разные политические течения. Горячо обсуждались вопросы о большевиках и меньшевиках, о кадетях. Появлялись новые для нас термины, смысл которых был малопонятен.

Характерной особенностью времени было то, что старшеклассники не так горячо реагировали на события, как наш 4-й класс. Старшие проявляли больше выдержки и спокойствия.

«Где ты так долго был?» – спросила меня мать, когда я вернулся с городского митинга-протеста против расстрелов. Этот день показал, насколько поднялось недовольство масс царским правительством. Мы, молодежь, поняли несправедливость и гнет самодержавия, в нас зарождался протест даже против городского с его громадной бляхой, звериной «рожей» под фуражкой, с его нагайкой и белыми перчатками. Мелко исписанные рукописи трудов демократов, с любовью тайно переписанные нами, толкали нас смелее подниматься на борьбу против царя. Уточняя термины «большевик», «меньшевик», мы не усваивали разницы до тех пор, пока те и другие не проявили себя в деле. Я думал, что для завоевания власти народ должен взять в руки оружие, но в спорах со стороны наших теоретиков раздавались голоса в поддержку компромисса, они доказывали, что власть народу перейдет эволюционным путем, что насилием ничего не добиться.

Начало выясняться, что борьба может быть разного сорта. Одним из политических авторитетов был П. Струве. Он был ярким пропагандистом буржуазного либерализма и соглашателем до мозга костей. Этого тогда мы не понимали. Подумывали, не меньшевики ли те, кто против борьбы с оружием в руках? Я чувствовал, что революция необходима. 1905 год показал, что царь без боя не пойдет на уступки, но какая-то мягкотелость не позволяла вступить мне в революцию с головой. Мы, «революционеры-теоретики», не решались стать «революционерами-практиками», мы не дошли до этого. Как растревоженный улей гудело училище в сходках, собраниях, митингах. Всё чаще происходили инциденты с инспекцией.

Но вот 17 октября 1905 года появился манифест царя о даровании народу свободы слова, собраний, союзов и о совещательном голосе народного представительства в виде Госдумы. Настроение всюду было праздничным. Народ ликовал. Начались собрания, митинги. Но вскоре наступило протрезвление – 22 октября по городу поползли зловещие тревожные слухи о какой-то «черной сотне». Из города Томска сообщили, что когда в железнодорожной службе тяги проходил митинг, на него напали

казаки, закрыли выходы и огромное трехэтажное здание подожгли. Люди выпрыгивали из окон горящего здания, а по окнам стреляли. Погибли несколько сот человек. В народе стала популярной новая песня: «Царь испугался, издал манифест – мертвым – свобода, живых – под арест».

В Барнауле наступили тревожные дни. На 25 октября была назначена общегородская демонстрация. С минуты на минуту можно было ожидать столкновений с конными городскими. Но демонстрация прошла с красными флагами по улицам и закончилась митингом в народном доме, где я в первый раз слышал выступление настоящих большевиков. Все благополучно разошлись. На 26 октября было назначено общее собрание учащихся, но меня родители не отпустили под предлогом сильного волнения мамы.

Один из учащихся, придя на собрание, сообщил, что по улице идет огромная толпа. Учащиеся выбежали на крыльцо главного выхода. По улице мимо крыльца шла толпа с иконами и хоругвями и пела гимн «Боже, царя храни». Учащиеся стояли на крыльце с широко раскрытыми глазами и улыбками на лицах. Тогда некоторые из толпы бросились на реалистов с криками: «Бей их, шапки не снимают!» Толпа ворвалась в здание училища, и началось избиение учащихся, которые разбежались по классам, убежали через заднее крыльцо во двор, прятались за поленницами.

Несколько учеников было ранено палками и гирьками в голову. Мой друг и товарищ Витольд Андроновский, раненный гирькой в голову, пришел к нам домой на перевязку. Директор училища К.Н. Рябинин выбежал без пальто за хулиганами во двор, чтобы защищать учеников. Вскоре после этого он заболел воспалением легких и умер.

Организовали погромы «Черная сотня» и «Союз русского народа», а вдохновителями были епископ Макарий и протоиерей Анемподист. Громили революционеров и учащихся.

В нашем доме был спрятан социал-демократ Штильке. Мы пережили страшный день. Толпа двигалась по окрестным улицам. Невдалеке было разгромлено несколько домов. Мы из окон наблюдали, как из окон квартиры городского головы Орнацкого летели предметы домашнего обихода. Разгромили квартиру старшеклассника Никишина, и толпа покатила к нашему дому. В окно из 2-го этажа мы видели, как они перелистывают списки, а головы угрожающе подняты вверх.

Мы готовы были защищаться. По внутренней лестнице на чердак втащили тяжелые гири, отец и я взяли револьверы. Мы не слышали об убийствах, но кадет Орнацкий пострадал, значит, и кадетство

щему отцу грозила опасность. Но вот толпа шаранулась в сторону, её маршрут, видимо, изменила возможность увидеть хорошее зрелище, так как по соседней улице полетел как снег пух перин из окон публичного дома. Громили его.

Учащимся оставаться дома стало опасно. Многие выехали в соседние деревни, а значительная часть учащихся вечером, когда стемнело, была сосредоточена в старинном каменном здании реального училища. Начальником этой обороны стал наш учитель истории Шумиловский. Впоследствии он из меньшевиков перешел на сторону белых и принял пост министра труда в правительстве Колчака. В дальнейшем его история была печальна: после разгрома Колчака он был расстрелян красными за упорный отказ признать свою ошибку в участии в правительстве белого движения.

В стенах училища мы провели несколько дней. Все входы и выходы, лестничные пролеты до 2-го этажа были забаррикадированы партами. В руках учащихся было 5 винтовок и несколько револьверов. Некоторые вооружились копьями и алебардами из краеведческого музея. Пищу из домов нам приносили родители. Я имел блестящий револьвер смит-вессон. Он очень меня интересовал. В его барабане было 5 патронов. Однажды в спальне общежития я играл с ним, вынул все патроны и щелкал курком впустую, прицеливаясь в окно. Вдруг последовал выстрел, стекло в окне было разбито. Этот случай стал мне хорошим уроком – никогда, даже шутя, не прицеливаться в людей, даже незаряженным оружием.

Однажды, стоя на посту в 2 часа ночи, я заметил в темноте приближающуюся к зданию какую-то темную массу, которая расширялась постепенно по всей улице. Я вызвал коменданта Шумиловского. Разведка установила, что это был большой обоз за солью из деревни. Тревога была ложной. Когда в городе восстановился полный порядок, мы разошлись по домам.

Вскоре произошел случай, наглядно показавший, что на умы учащихся распространились идеи социал-демократов меньшевистского направления.

После смерти директора начался большой спор, следует ли принимать участие в его похоронах или нет. Некоторые говорили, что директор был представителем царской власти и необходимо воздержаться, но большинство ещё недопонимало всего значения этой демонстрации. Директор хорошо относился к учащимся вообще, поэтому всё училище приняло участие в похоронах. Родители провели большую агитацию за участие в похоронах, старались растрогать меня, чтобы я проявил уважение к человеку хотя бы за его защи-

ту учащихся. Я тоже шел в рядах за гробом.

До сих пор осталось в памяти, как трое учащихся – Богословский, Кучин и кто-то третий – наши большевики, шли рядом с процессией в шапках и кричали нам: «бараны», «маменькины сынки» и что-то ещё в этом роде. Было очень обидно. Мы молчали и удивлялись их суровости и смелости, но политического смысла их демонстрации тогда не понимали. Только через несколько месяцев в подпольных кружках стали понятнее особенности большевиков, а наша тактика «маменькиных сынков» смахивала на примиренчество с меньшевиками.

Ясно стало то, что меньшевики были против революционных выступлений, за путь реформ. Мы стали понимать, что царское правительство с революцией не примирится никогда и что вооруженная борьба неминуема.

Большая забота и тревога свалились с нашего дома, когда ночью был отправлен в деревню скрывающийся у нас Штильке. Пожилой, с седой бородой, он для конспирации был острижен, борода сбрита, оставлены лишь маленькие усики. Он очень помолодел и изменился до неузнаваемости. Его тепло укутали, надели большую барнаулку и в полной тьме на паре лошадей в кошевке отправили с провожатым за город.

С 1906-07 годов начинались тяжелые годы столыпинской реакции, аресты, ссылки активных революционеров. Из учащихся были арестованы Михалев и Самохвалов, у них мы раньше делали собрания и работал кружок политэкономии, арестован был и Богословский.

Подпольная жизнь наших кружков надолго замерла. После октябрьских погромов часть интеллигенции разочаровалась в силах революции. Появились слухи, что у нас в городе раскрыт кружок молодежи под названием «огарки». Они устраивали ночные собрания, при скудном свете огарков от свечей происходили оргии, мужчины и женщины валялись по полу с разнузданными действиями. Они впали в упадничество и, усыпленные идейным разбродом, искали успокоение в разврате. Наша компания не поддавалась этим настроениям, но политическая пассивность ещё долгое время главенствовала.

В самую мрачную пору реакции по совету старших товарищей из социал-демократов группа учащихся, в том числе Михалев, Строганов, Попцов, Эйсмонд, Хасин и я, организовали в 1909 году издание подпольного ученического журнала на квартире у своего товарища по классу – Климова. Теоретиком марксизма продолжал оставаться Николай Эйсмонд. Он писал главным образом передовицы. После годов реакции он исчез из нашего поля зрения и через много-много

лет, уже при советской власти, нашелся в газетах как министр труда Советской России, затем был удален из правительства как участник оппозиции уже советской власти и позже погиб в воздушной катастрофе при перелете из Киева в Москву.

В журнале я выполнял обязанности печатника рукописей для гектографа. Более года наш журнал регулярно появлялся во многих экземплярах в училищах и учреждениях города. Затруднением полиции в поиске типографии служило то обстоятельство, что она находилась рядом с домом полицейского исправника Лучшева на главной улице города – Пушкинской.

Организуя типографию, мы под мышкой пронесли тогда небольшой гектограф мимо ничего не подозревающего городского на посту.

Однажды я получил повестку с вызовом из жандармского управления. Утром я явился в кабинет жандармского ротмистра Сосионкова при его квартире. Сосионков, мужчина немного старше 40 лет, в синем мундире с аксельбантами, в это время обедал. Он предложил мне сесть и с раздражением зашагал по кабинету взад-вперед. Я увидел у него на столе грудой сваленные наши журналы.

Он начал допрос с упреков и вопросов:

– Как только вам не противно заниматься этими грязными делами? Вы знаете, что такое – «огарки»? А это что за литература? Известна ли она вам?

Я сделал удивленное лицо, помолчал. Потом сказал:

– «Огарков» я не знаю, а эти журналы я видел на парте в реальном училище.

– Откуда они взялись?

– Не знаю.

– Вот вы подумайте сначала, а потом и скажите мне откровенно, кто их делает.

Жандарм ушел в соседнюю комнату и долго-долго не возвращался. Слышен был стук ложек.

– Ну, молодой человек, скажите теперь откровенно всё, что вы знаете по делу, иначе вам угрожает серьезная опасность.

– Я ничего больше сказать не могу, не знаю, откуда приходит этот журнал, не знаю, кто его приносит, и в обществе «огарков» я не участвую.

Повторив вопросы и не узнав ничего нового, он отпустил меня с советом подумать и обещанием вызвать ещё раз. Дома я узнал, что реалист Климов после обыска арестован, из квартиры взято много литературы. Правда, через несколько дней мы узнали, что он был освобожден.

Перед окончанием реального училища произошло событие, произведшее на меня сильное впечатление. Мать предупредила меня, что в моем свидетельстве об окончании реального училища будет

поставлена фамилия не Тарвид – фамилия нашей семьи, а Зубкович, потому что она зарегистрирована в браке с Зубковичем, но с ним жила до 1888 года, а потом сошлась с Тарвидом. По документам я и другие дети Тарвида (мои младшие брат Борис и сестра Елена) значились как родившиеся от нашей мамы – Елизаветы Степановны Зубкович и лесного кондуктора Н.Зубковича. Вопрос о моем происхождении так и остался неясным навсегда.

Когда мы приехали в 1902 году на жительство в Барнаул, родители боялись огласки их гражданского брака, так как это могло плохо отразиться на служебной карьере отца, поэтому родители упростили дирекцию реального училища и женской гимназии зарегистрировать нас под фамилией Тарвид.

В 1909 году загложшая после массовых арестов подпольная работа начала понемногу оживать. Запомнилось одно собрание темным поздним осенним вечером в квартире Михалева. Нас собралось 10 человек. Квартира находилась в доме на берегу большого городского пруда лесозавода. Нас пригласили выйти на берег. В полной тьме мы с трудом различали силуэты товарищей. Стояла зловещая тишина. Томительно шли долгие минуты ожидания. Сказали, что ждут подпольщика, который проведет собрание.

Наконец из мрака на воде появились быстро идущие черные тени, и сейчас же все мы сели в 2 лодки и отплыли от берега. Весла работали с тихими всплесками в полной тишине. Когда отъехали метров на 200, слева раздался какой-то, видимо случайный, выстрел из ружья. Даже показалось, что был свист пули. Нервы были напряжены. Казалось, что полиция уже выследила нас.

Оказалось, нас посетил находившийся в глубоком подполье социал-демократ Симагин. В кратком обмене мнениями выяснили общую обстановку, учли наши возможности и приняли решение – оживить революционную работу. Распределили обязанности. Кроме другой работы, решено было начать издание подпольного листка, в котором меня назначили художником-карикатуристом. Помню, я рисовал купцов в виде собак на цепи у царского трона, на котором сидел Николай II, в одной руке – нагайка, в другой – бутылка водки. Но вскоре журнал стал выходить реже и реже и потом совсем прекратил существование.

В 1909 году по вечерам я изучал латинский язык, готовясь к поступлению на медицинский факультет. Занятия шли вяло, с ленцой. Пришлось родителям пригласить репетитора. Им оказался старый поляк – пан Вильконский. Он терпеливо учил меня основам латыни, мы переводили Юлия Цезаря, Вергилия и других. В перерыве говорили на

современные темы. Он – польский патриот из сосланных в Сибирь, был настроен непримиримо к великодержавному царизму и требовал создания из молодежи боевой организации для вооруженной борьбы. Он был истинный революционер, говорил: «Будем бороться до конца и разить врага штыками, но не сдадимся». Высокий представительный старик взволнованно говорил с сильным акцентом, энергично жестикулировал и убедительно доказывал необходимость вооруженного восстания для завоевания национальной независимости Польши и свержения царизма в России.

Пан Вильконский очень помог в формировании во мне большевистского мировоззрения в противовес меньшевистскому соглашательству и против проповеди умеренности со стороны родителей. Переходу от мелкобуржуазных настроений к революционным взглядам помогло и участие в Барнаульском подпольном кружке молодежи, в подпольной типографии с дискуссиями в ученическом журнале о правде революционного учения. Чтение подпольной литературы, занятие в кружках поддерживали и воспитывали революционный дух.

Зимой 1909 года отец перевелся на работу в г. Чугуев Харьковской губернии, а вскоре я узнал из письма, что родители переехали в г. Лубны Полтавской губернии. Летом 1909 года по окончании реального училища я тоже уехал из Барнаула к родителям в Лубны. Чудесный уголок Украины, утопающий в зелени, овеянный поэтическим описанием Гоголя о темных и лунных ночах, о шабаше ведьм, о тихих реках с соловьиными хорами и пением цикад. Лубны оставили глубокое неизгладимое впечатление на всю жизнь. Замок Вишневецкого, гора ведьм, тихие плёсы реки в кружевах зелени и птичий гам – это всё Лубны.

Юрьев (Дерпт). Студенческие годы

В 1910 году отец по личной просьбе перевелся с Украины в Псков и получил назначение лесничим Подборовского лесничества, где прошли мои самые лучшие годы в доме родителей в местечке Черняковицы, которые запомнились на всю жизнь. Это были лучшие воспоминания молодости.

Осенью 1911 года мне пришлось извещение о принятии меня на медицинский факультет Юрьевского (Дерптского), а теперь Тартуского университета, и я из Пскова выехал на пароходе по маршруту: р. Великая – Псковское озеро – Чудское озеро – р. Эмбах (теперь Эмайоки). Впоследствии мне несколько раз приходилось проделывать этот путь, а в бурную погоду при бортовой качке приходилось оказывать

пассажирам парохода медицинскую помощь при морской болезни. В непогоду Чудское озеро очень бурное, и волны при северных и западных ветрах имеют большой разгон.

Первое впечатление от города Юрьева с его роскошным и уютным парком Домберг и чистенькими улицами было исключительно благоприятным. Городок имел вид заграничного и старинного одновременно. Городовой по вежливому обращению и нарядной внешности выгодно отличался от барнаульского старорежимного держиморды. Даже при обращении к нему русских студентов, жандарм, весьма «демократического» вида и стоящий на посту, любезно прикладывал руку в белой перчатке к козырьку фуражки и вежливо отвечал на вопросы.

Жизнь этого старинного университетского города была особенно своеобразна. Тысячи студентов всех национальностей накладывали отпечаток на весь город. Каждая нация была объединена в свою корпорацию. Русские студенты были объединены в прогрессивное Общество русских студентов и отдельно в общество студентов-медиков.

В 1911 году мы, русские студенты, отметили «день печати» и выпустили плакаты с перечислением названий всех прогрессивных и социал-демократических газет. В техническом оформлении плакатов я принимал самое деятельное участие.

Все наши студенты носили общестуденческую форму, независимо от национальности. Форма национальных корпораций состояла из гражданской модной тройки с лентой национальных цветов через плечо и кепи с цветным околышем.

Особой помпой отличалась жизнь корпораций немецких студентов: факельные шествия, костры, дуэли, катание в парных фэтонах с бокалами шампанского в руках. Студенты-новички 1-го курса проходили особую школу корпорации. Они назывались фуксами (лисами) и были подчинены одному из старичков, у которого находились в полном подчинении. Над фуксами старшие творили много озорства. Фукс должен следовать за старшим на улице. Например, если старший перепрыгивает через фэтон едущего извозчика, фукс должен повторить его маневр. Дуэли в виде жалкого подражания прошлому происходили только на шпагах с забралом на голове. Вообще, дуэлянты пользовались большим уважением. Если кто не имел на лице рубцов от дуэльной раны, тот просто надрезал кожу и накладывал на рану 2-3 шва. Старых студентов чествовали тем, что бросали вверх их кепки под крик «хох» и протыкали летящие кепки шпагами. Чем больше дыр на кепке, тем больше уважения.

Отношения между русскими студентами и другими национальными корпорантами были натянутые,

часто обостренные. У каждой нации были свои излюбленные пивнушки (кабачки), и при встречах в них разных корпораций происходили большие драки. Бывали столкновения и на улицах. Особенно дерзко и вызывающе вели себя немцы, старались не уступать дороги русским студентам, и мы не всегда уступали, из-за этого бывали стычки.

Многие корпорации: «Ливония», «Курония», «Полония», «Эстония» и другие носили явно классовый характер и состояли из сыновей князей, крупных помещиков и буржуазии. Русское студенчество в массе своей было настроено довольно оппозиционно к царскому правительству, но многие корпорации откровенно его поддерживали. При политических забастовках немцы, например с богословского факультета, приходили на лекции в аудиторию медицинского факультета, чтобы сорвать забастовку. Помню случай, который проходил в толстовские дни. Была всеобщая забастовка, а немцы пришли на лекцию к Бурденко в хирургическую клинику, тогда он ещё был доцентом на кафедре топографической анатомии. Он взошел на кафедру, провел взглядом по аудитории, сказал: «Это не моя аудитория» и вышел.

Весной 1913 года я по обыкновению приехал к родителям в Псков, в Черняковицы. По договоренности с родителями к нам была приглашена Маруся, и мы провели чудесное лето в заповеднике, который окружал дом отца. 22 мая уже следующего 1914 года я выехал к Марусе в Барнаул, и 30 мая 1914 года мы обвенчались.

Венчание проходило по желанию родителей невесты, отца – Чулкина Василия Илларионовича, происходившего из старинного сибирского купеческого рода, и матери Александры Ефимовны, очень религиозной женщины.

В нижнем этаже дома нам была отведена квартира, состоящая из комнаты и кухни. Медовые месяцы летних каникул мы с женой весело провели в Барнауле. Вспоминается комический случай, происшедший в первую брачную ночь, сразу после вселения в новую квартиру. Ночью сквозь сон мы услышали стук и сильное царапанье. Зажгли лампу. Причина вскоре выяснилась – из верхнего этажа через самоварную отдушину из печи выскочила крыса, оставляя на покрашенной известкой печи черные следы и гарь. Крыса царапалась где-то в комнате. Обнаружив её, я начал гонять её по комнате с сачком для бабочек в руках, пытаясь выгнать. Маруся вскочила на спинку кровати и со страхом наблюдала гонки. Крыса скакала на стол, комод, по шторе окна, чуть не разбила лампу и, видя свою гибель, в углу комнаты встала на задние лапы и «окрысилась». Ничего не было

под рукой, чтобы ударить её. Всё-таки я изловчился и накрыл её сачком. Таким образом, первая брачная ночь прошла с приключениями и недолго запомнилась.

В 1914 году перед войной в Барнауле произошла крупная катастрофа, когда народ бросился громить царскую винную монополию. На складах рекой лился спирт, и масса народу погибла тогда при пожаре в подвалах от горящего спирта.

Осенью 1914 года я приехал в Черняковицы и затем выехал в Юрьев продолжать учебу. Вскоре из Барнаула приехала Маруся, устроилась работать на должность кассирши в студенческой столовой. Так как ей полагалась квартира, нам отвели в общежитии одну комнату около столовой, и мы очень хорошо зажили своим хозяйством.

В этом году мама приезжала в Юрьев на консультацию к профессору Михнову. Его диагноз – подозрение на рак матки. После операции профессор был поражен – рака не оказалось, но жалеть об ошибке не пришлось, у мамы было сильное кровотечение, которое после операции и лечения прекратилось.

В 1914 году началась Первая мировая война, которую в то время называли Великой и Великой Европейской, а в России – Второй Отечественной. Из университета многие были призваны на фронт. У профессора акушерско-гинекологической клиники Михнова в армию были мобилизованы все ассистенты. Замещали их студенты – медики пятого курса Гумовский и Лиоренцевич. После окончания 5-го курса и они были призваны в армию.

Профессор остался без помощников. Гумовский, мой близкий товарищ, просил меня заменить его. Я имел самое минимальное понятие о гинекологии и долго не соглашался. Он обещал в три дня всему меня обучить. Я начал знакомиться с диагностикой на амбулаторном приеме. Надо было ежедневно принимать 30 больных женщин.

Первое знакомство с техникой внутреннего исследования мне показалось очень трудным. Пробившись полдня, я всё бросил и отказался. Назавтра вся история повторилась вновь, но уже был получен некоторый успех. К чему только человек не выкажет! Вскоре всю технику амбулаторного приема я освоил. Почитал учебники, суммировал свой небольшой опыт, составил себе список рецептов, заинтересовался достигаемой точностью диагностики, решил, что не боги горшки обжигают, и поощрился успехом в излечении. Кроме того, на кратких курсах для студентов освоил гинекологический массаж.

После всего этого профессор Михнов на все операции брал меня в качестве ассистента, а в даче длительного хлороформного наркоза при операциях продолжительностью 2 часа и более я уже не

имел конкурентов. Фактически, будучи студентом 4-го курса, я работал ассистентом. Когда я, окончив 4-й курс, показал профессору Михнову повестку из военной комиссии, он сказал: «Ну что ж, до свидания, голубь мой! Удачи тебе!» Пожелав всего хорошего, выдал мне справку о работе, приобретенном опыте в гинекологии и особенно в наркозе.

Пятого мая 1915 года весь наш пятый курс был одет в военную форму с иголочки со всем снаряжением. Серебряные погоны с одной полоской (капитанский чин) с поперечной золоченой лычкой (зауряд-врач), гимнастерка цвета хаки с двумя ремнями через плечи, шашка на боку, синие галифе, хромовые сапоги в обтяжку, шпоры с малиновым звоном. На вопрос медицинской комиссии: «На что жалуетесь?» почти все браво ответили – здоровы. Мы были отправлены в Петербург в окружное Военно-санитарное управление для получения назначений.

На службе военной

По приезду в Петербург я остановился у родственников Тарвидов. На следующий день весь курс был распределен по воинским частям Петербургского военного округа, главным образом в гвардейские части для ознакомления с работой и первой практикой. Помещения управления были заполнены веселой блестящей молодежью, смехом, звоном шпор, оживленными разговорами на тему о будущем назначении. Я был назначен на должность младшего врача 1-го сводно-гвардейского запасного батальона, который находился в Новом Петергофе. В батальоне было около 10 000 солдат. Я, зауряд-врач 2-го разряда, без чина, фактически был один на всю эту массу людей.

На прием ежедневно являлось до 300 человек. Прием обычно затягивался на несколько часов. Я старался относиться к больным внимательно, но старший врач, который был в чине статского советника и наезжал из Петербурга на час-два, а потом быстро сбегал домой, был недоволен моими приемами. Иногда он садился на моё место, с криком выстраивал раздетых солдат в длинную шеренгу и с ругательствами набрасывался на них. Ткнет одного пальцем в живот – «этому дать касторки», другому на миг приложит трубку к груди – «здоров, скотина, симулянт, на два часа под ружье!». В несколько минут вся шеренга принята. Потом встает, ударяет ладонью по столу, говорит: «Вот как надо принимать!» Потом торопливо обежит палаты стационара и уезжает домой.

Через короткое время я получил квартиру, и Маруся приехала ко мне из Черняковиц. Свободное вре-

мя, которого, правда, было очень мало, в Новом Петергофе мы с женой проводили в прогулках пешком или на велосипедах по красивейшим окрестностям.

Назначение нашего батальона состояло в формировании и отправке маршевых рот для пополнения гвардейских частей на фронт. Я делал обходы палат, пробовал пищу, производил санитарные осмотры казарм, читал лекции, стараясь делать их интересными.

Перед отправкой на фронт маршевых рот их выстраивали в длиннейшем манеже во много рядов, и я с записной книжкой в руках проходил беглым шагом по «голому» фронту первой шеренги. После осмотра ей давали команду «шагом марш», и я осматривал следующую шеренгу. Так проходили все 1000 человек.

Останавливался при осмотре редко, чтобы записать жалобу на чесотку или другое недомогание. Симуляции носили массовый характер. Каких только увечий ни придумывали солдаты, чтобы не идти на фронт. Были массовые зараженные раны и язвы, были флегмоны от впрыскивания скипидара в мышцы, глубокие обезображивающие «опухоли» у суставов от введения под кожу парафина, симулировали также слепоту, глухоту, сумасшествие, контрактуру суставов. Было и членовредительство, за которое предавали суду.

Солдаты уже не хотели воевать непонятно за чьи интересы, вера в царя-батюшку была сильно поколеблена. Очень часто, через 1-2 недели после отправки солдат, мы получали печальные сообщения о полном разгроме наших рот в первом же бою. Наступления, похожие на бойню, когда сотни и тысячи людей гибли, чтобы захватить сотню метров чужой территории, сменив одну траншею с болотной грязью на другую, оскорбляли здравый смысл и достоинство человека. Каждую осень говорили, что этот ужас кончится к зиме, но наступала весна, а войне по-прежнему не было видно конца.

На этом же Северо-Западном фронте (в Эстонии) служил и мой брат Борис. Сколько помню, он всегда проявлял интерес к технике, и во время войны ему довелось служить авиатехником. Кроме гидропланов-истребителей, в их эскадре были бомбардировщики «Илья Муромец» знаменитого конструктора Сикорского. Авиачасть располагалась недалеко от Ревеля (Таллин), перед полётами на бомбежку германских войск он снаряжал и обслуживал эти гигантские, уникальные по тем временам самолеты. После 1918 года, когда прошло разделение российской армии на красных и белых, самолеты были перегнаны в Россию, а часть авиатехников осталась в пехоте,

сначала в российской, а потом в белой армии Юденича.

После того как Эстония стала самостоятельной страной, Борис остался там, опасаясь возвращаться в Россию из-за возможных репрессий, и связь с ним пропала. Мы думали, что он убит, и своего сына я назвал в его память. Увиделись мы с ним только через 30 лет, в пятидесятых годах в Таллине, где он работал наладчиком станков на Кренгольмской мануфактуре. Вспоминали детские годы и годы Гражданской войны, когда мы фактически были по разные стороны «баррикад». Он у белых, а я у красных. Так распорядились судьба и сильные мира сего, благо, что мы не встретились с ним по разные стороны линии фронта.

В июле 1916 года наш запасной батальон был расформирован, меня перевели младшим врачом другого запасного батальона с громким названием «Лейб-гвардии 1-й стрелковый Его Величества полк». Батальон располагался в Царском Селе. В этом батальоне я пробыл год. Ничего «величественного» в этом батальоне уже при мне не было, от бывшего величия гвардии остались рожки да ножки. Основные гвардейские полки в это время уже лежали в могилах у рек Рава Русская, Сан, Обруч и других безымянных рек Российской империи.

Старшим врачом в полку был пожилой, по моим молодежным меркам, подполковник медицинской службы М.П. Плотников, тоже по специальности гинеколог – простой и добрый человек. Мы с ним были очень дружны. Они с женой носились со своей новорожденной дочкой и периодически нападали на нас – почему мы не имеем детей, и не хотели слушать ни о каких уважительных причинах. Это подействовало на нас или что-то ещё, но вскоре моя жена забеременела.

Из жизни в Царском Селе хорошие воспоминания остались также от наших постоянных разъездов на велосипедах по живописным окрестным паркам – Павловскому, Английскому, Ново-Петергофскому с его знаменитыми фонтанами. Изредка я занимался писанием с натуры масляными красками, правда почти всегда неудачно, так как не имел никаких теоретических знаний и опыта в изобразительном искусстве.

Из батальонной практики запомнился один случай. Один высокопоставленный военный ревизор-кавалерист на верховых маневрах вывихнул руку в плечевом суставе, когда огромная лошадь закапризничала, встала перед его носом на дыбы, и рука с поводом после вывиха так и осталась в поднятом вверх положении. Я удачно вправил сложный вывих, избавив ревизора от мучений и полк от нежелательного акта ревизии.

Осенью 1916 года в связи с затишьем на фронте я подал рапорт командиру с просьбой откомандировать меня для окончания 5-го курса в университет. Просьба была уважена, и я в конце января 1917 года окончил пятый курс Юрьевского университета, пройдя за пять месяцев ускоренный курс 2-х семестров. Немцы опять начали наступать, близко подошли к Юрьеву, и поэтому до выдачи дипломов опять дело не дошло, вместо диплома нам было выдано свидетельство об окончании 10 семестров медицинского факультета и право на звание врача.

Это свидетельство причинило мне впоследствии много неприятностей и в конце концов было утеряно в немецких тылах во время Великой Отечественной войны. Вскоре после моей командировки в Юрьев университет был переведен в Пермь, затем в Воронеж, и я с трудом через Главный архив СССР смог получить копию справки об окончании пяти курсов медицинского факультета.

По мере приближения к февралю 1917 года начались волнения в войсках. В Царском Селе наш батальон получил известие, что полк георгиевских кавалеров направляется в Петербург для поддержки питерского гарнизона, наш батальон в полном составе выступил на вокзал и не допустил георгиевских кавалеров прорваться в столицу. В это время стало ясно, что война будет проиграна. Все усилия организовать генеральный отпор немцам не удавались. Дисциплина в армии катастрофически падала.

В царствующем доме тоже наступило разложение. Ходили слухи, что императрица Мария – мать царя, и Александра – его жена, готовили заговоры, чтобы «продать» Россию немцам. Были раскрыты шпионские гнезда под руководством военного министра Сухомлинова и полковника Мясоедова. Царица Александра дала приют во дворе Григорию Распутину. Помню, общественное мнение прямо обвиняло императрицу и Распутина в шпионаже. Дела разоблаченных шпионов в те времена следовали одно за другим и производили как на простой народ, так и на людей из общества впечатление, что предатели проникли в самое сердце страны. После гибели Распутина царица приняла все меры к возвеличиванию памяти о нем.

В феврале 1917 года царь Николай II был арестован на станции Псков и под нажимом генералов отказался от царствования в пользу наследника Михаила, был доставлен в Царское Село и посажен под арест в Александрійском дворце. Охрану арестованного нес наш батальон. Жители Царского Села через высокую, красивую чугунную ограду наблюдали, как Николай II вскапывал грядки, сажал цветы около дворца, а мы – офицеры – видели царскую семью почти ежедневно.

Однажды мы с дежурным офицером, проверяя санитарное состояние кухни и других помещений, находились на территории дворца, в это время там как раз гулял царь, он подошел к нам и спросил:

- Скажите, что это за бантики у вас на груди?
- Это эмблема революции.
- Да-а? Ничего не понимаю. Пожалуй, мне лучше заниматься садоводством, чем управлять империей.

Бывший император спросил, что сейчас делается в Петербурге, потом, перекинувшись ещё парой слов, кажется о погоде, мы разошлись в разные стороны.

Наши солдаты, обследуя как-то территорию дворца, нашли следы гробницы Распутина. При раскопках в подземном склепе был найден и труп Распутина. Склеп разломали. Когда между кирпичами склепа нашли серебряные и золотые монеты царской чеканки, от склепа не осталось буквально камня на камне. Солдаты принесли мне новенький блестящий серебряный рубль 1897 года с головой царя Николая и двуглавым орлом на обороте.

Труп Распутина ночью положили в грузовик, но по дороге в Петроград облили керосином, сожгли, а пепел развеяли по ветру. В склепе была найдена икона, кажется Николая-чудотворца. На задней ее стороне была надпись чернилами и подпись Николая II, Александры, княгини Вырубовой и четырех дочерей царя. Эта икона была у нас в батальоне, а потом была сдана в музей.

С февраля до июля 1917 года после свержения царя Санкт-Петербург, переименованный новой властью в Петроград, гудел как растревоженный улей.

30 апреля мы с Марией решили вместе побывать в городе. Она была беременна на 8 месяце, но желание увидеть всё своими глазами, побывать на митинге превозмогло опасения. Мы с трудом пробрались на Невский проспект. Люди двигались по всем направлениям. Грузовики, до отказа набитые вооруженными солдатами и рабочими с патронными лентами крест-накрест на груди, с пулеметами и красными флагами, едва передвигались по улицам.

Чтобы лучше видеть митинг и выступающего Ленина, мы забрались на 3-й этаж здания городской управы на Невском проспекте. В начале апреля Ленин приехал из эмиграции, митинги и собрания происходили в разных местах города почти каждый день. Лозунг Ленина «Вся власть Советам!», произнесенный у Финляндского вокзала, можно было видеть в газетах, на стенах домов, на транспарантах в руках участников демонстраций.

Море красных флагов. Милиция временного правительства тонула в море людей, и все попытки за-

держат шествие или отнять флаги не имели успеха. Тротуары и сам Невский были засыпаны толстым слоем подсолнечной шелухи. Продуктов в магазинах было мало, и подсолнечник был одним из видов питания. Надвигалось голодное время.

В воздухе чувствовалось такое напряжение, такой порыв рабочих масс и такое озлобление, что вот-вот начнется стрельба. Стихийный порыв горячих голов пытались успокоить руководители некоторых партий, в т.ч. и большевики, которые пытались сдержать массы до известного срока. Но стихия народного гнева, нарастая, привела к кровавым событиям июльских дней. На углу Садовой и Невского проспекта у центральной библиотеки войска временного правительства стреляли в народ. Были большие жертвы.

В мае 7 числа 1917 года у нас родился сын. Назвали его Борисом, в память пропавшего на германской войне брата. За неделю до срока Маруся переехала в Петроград к сестре Нюре. В начале родов я отвез её на извозчике в родильный дом профессора Герзони на 2-й Рождественской улице. Роды были затянувшиеся, трудные, но все обошлось благополучно. После родов температура поползла вверх. На мои вопросы отвечали успокоительно, но когда температура превысила 39 градусов, я пришел к профессору, сознался, что я тоже акушер, предположил, что присутствует инфекция. Он пошел навстречу, сам произвел обследование и принял мои рекомендации. Температура выровнялась.

В июле военным руководством было решено поменять служивших в тылу врачей на фронтовых. Считали, что молодежь достаточно подквалифицировалась и справляется с обстановкой. В июне 1917 года меня перевели в действующую армию в передовой перевязочный отряд 45-й дивизии. В сентябре этого же года пришел приказ о переводе меня в действующий 177-й Изборский полк 12-й армии на должность младшего врача. Началась окопная жизнь, полная военных приключений.

Сыну Борису было около 4 месяцев. Фронт проходил по реке Западная Двина. Устойчивость его была очень сомнительная, рисковать оставить семью у моих родителей около Пскова не хотелось, и я решил отвезти семью в Барнаул к родителям жены.

На железной дороге разруха доходила до предела, но все же поезда кое-как ходили. Никакого расписания не было. Порядок отправки часто зависел от солдат. Ездили кто хотел и куда хотел – бесплатно.

Добрались мы до Барнаула через две с половиной недели в тесноте и в разбитых вагонах. Я отдохнул 2 дня и заторопился уезжать, так как отбыл без

нормально оформленного разрешения. Через Полоцк я подъехал к фронту. В Двинске (Даугавпилс) на мой вопрос к коменданту – где стоит 177-й Изборский полк – он долго не отвечал. Только после предъявления документов заявил, что полк на фронте, за рекой, около станции Калкуны (теперь г. Грива в Латвии) и расположен в монастыре.

Иду по разбитым пустым улицам поселка Калкуны. На улицах много воронок от разрывов снарядов, стекла в домах выбиты повсюду. Наконец вот он – монастырь. Вхожу в главные ворота. Во дворе – хаос. Разбитые двуколки, мусор и полная тишина. Людей нет. Возвращаюсь на станцию. Никто не знает, куда ушел полк. Буквально выпытываю у коменданта станции, что полк на днях ушел в Петроград «на отдых, снят с передовых позиций».

Получаю литер в Петроград. Не помню уже, сколько дней я провел в розысках полка в Петрограде, но ни коменданты, ни случайные офицеры не знали, где такой полк. Кто-то посоветовал зайти в Генеральный штаб. Долго блуждал я в штабе, пока меня не направили к дежурному полковнику, который, проверив удостоверение, сообщил, что полк выступил в Финляндию, на станцию Перкиярви на охрану побережья Балтийского моря от десанта. Командировочное удостоверение в полк было выдано мне более месяца тому назад, но никто ни разу не поинтересовался, почему оно так просрочено.

Посетил родных и знакомых в Петрограде, осмотрел Зимний дворец после событий 25 октября – выстрела «Авроры» и свержения Временного правительства. Еще целы были огромные баррикады из шпал, окружавших дворец. Побыв еще несколько дней в Петрограде, я выехал в Финляндию. Полк стоял лагерем в палатках в сосновом лесу у моря около станции Перкиярви. Первое, что бросилось в глаза на станции – это буфет без продавца. Деньги оставляешь на тарелке на буфетной стойке, и бери что хочешь. Через несколько дней буфет, правда, закрылся, так как наши солдаты редко платили за взятые продукты.

В первый же день выяснилось, что в Петрограде полку предлагали остаться, но командование полка отклонило это предложение, так как было неясно, для чего его хотят оставить в Питере, то ли для подавления революционных волнений, то ли для переформирования.

Вскоре в лесу нам пришлось пережить несколько неприятных часов. Однажды в расположении полка сильно запахло дымом, и через несколько минут появилось пламя, которое ветер гнал прямо на нас. По тревоге полк срочно снялся и вышел в полном составе и порядке из лагеря. Огонь из леса ворвался в лагерь. Некоторые палатки не успели собрать. Вы-

яснилось, что не была исключена возможность сознательного намеренного поджога леса финнами, которые относились к нам более чем сдержанно, это была скрытая вражда, так как финны боялись, что Россия собирается занять их страну, а может, это была просто месть русским солдатам за то, что они не расплачивались в магазине.

Запомнился также самый первый случай моей акушерской практики. Один местный крупный землевладелец приехал лично просить меня помочь при родах его дочери. Они очень беспокоились, что роды затянулись. На паре отличных лошадей в фазетоне меня быстро доставили за 20 километров к имению. Я, молодой, не очень опытный врач, никогда не принимал родов, тем более патологических. Сделав умное лицо, я осмотрел живот и, ничего не поняв и не решив для себя, сказал, что надо для уточнения диагноза произвести внутреннее исследование.

Долго, долго мыл руки и думал, что же я буду делать, если роды остановятся. «Доктор, может быть, позвать акушерку?» – спросил отец. Я очень обрадовался этой мысли, но, не выдав себя, спокойно ответил: «Это не помешает». Вскоре прибыла акушерка, опытной рукой развернула свой чемоданчик и сделала клизму. Осмотрев роженицу, я сказал, что надо подождать дальнейших событий, и, кажется, назначил принять порошок хинина.

Меня пригласили в нарядную гостиную. В ней царил мир и покой. Я сидел в глубоком мягком кресле и вел спокойный разговор с родителями больной. В это время акушерка прислала прислугу сказать, что роды заканчиваются, и пригласила к больной. Всё благополучно завершилось. Меня очень благодарили, радовались благополучному выходу из опасной ситуации, заплатили громадные по тем временам деньги – 50 рублей и быстро доставили в лагерь. Авторитет мой не был подорван, хотя опасность этого была явная.

При расположении полка в Финляндии зарплата нам выдавалась в иностранной валюте, и я получал по курсу около тысячи рублей в месяц вместо 300. Поэтому возникла возможность послать жене деньги и мануфактурные подарки.

В конце 1917 года полк получил приказ о перемещении. Немцы заняли острова Эзель (Саарема) и Даго (Хийума), и необходимо было боеспособной частью сделать заслон и усилить охрану побережья. Полк погрузился на разъезде в теплушки, и на следующий день к вечеру, миновав Нарву и Ревель (Таллин), мы выгрузились в портовом городе Гапсаль (Хапсалу), расположенном как раз напротив острова Эзель.

Однажды в ноябре к врачам на квартиру, а мы жили в доме священника, пришли денщики. Мой

денщик, молодой украинец Александр, хороший непосредственный паренек, переминаясь с ноги на ногу, очень любезным приветливым тоном заявил, смущаясь: «Барин, надо бы погоны снять, все офицеры уже без погон!» Тут же погоны были торжественно сняты и потом сожжены. Вскоре весь полк оказался без погон. Этим выражалась поддержка октябрьской революции. В полку был создан солдатский совет, а меня избрали членом товарищеского суда, правда, насколько помню, ни на одном заседании мне так и не пришлось побывать.

Жизнь в Гапсале проходила без больших осложнений. Мы выходили иногда на морскую набережную посмотреть на далекие в тумане берега островов, занятых немцами. Даль была загадочно тиха, как будто там никого и не было.

Беспокойные годы. Гражданская война

В полку начало наблюдаться новое явление – очень свободно стали давать отпуска. В конце января 1918 года я подал рапорт с просьбой об отпуске. Резолюция была положительной, и мне был дан долгосрочный отпуск. Это можно было понимать как демобилизацию. В это время многие полки действующей армии вообще перестали существовать, началось полное разложение старой царской армии. Любимыми лозунгами солдат стали: «Долой войну!» и «Штыки в землю!»

Утром я подъехал к Пскову. На разъезде Черняковицы сошел с поезда и полтора километра шел пешком до лесничества, где жили родители. Выяснил, что утром немцы были в 90 км от Пскова. Передо мной стояла нелегкая задача – как-то пробраться к семье в Барнаул. Оставаться в Пскове у родителей было уже рискованно. Шли упорные слухи, что немцы начали наступление, перешли реку Западная Двина и наступают на Псков. Когда к вечеру выяснилось, что немцы уже в 30 км от Пскова, родители рекомендовали выехать к семье в Сибирь.

Накинув на плечи вещевой мешок, обняв родителей и взяв винтовку, захваченную с собой с фронта по примеру всех солдат, я отправился в Петроград. До Петрограда добрался довольно быстро.

Николаевский вокзал (теперь Московский) был до отказа переполнен серыми массами шинелей, а ночью все полы были заняты спящими солдатами, по несколько дней ожидающими посадки на поезд. Поезда шли без расписания. Вагоны были в ужасном состоянии, окна без стекол. Попасть в вагоны было очень трудно. Крыши вагонов, площадки между вагонами также были переполнены. Среди едущих на крышах было много жертв, когда за-

зевавшихся и приподнявшихся на полном ходу пассажиров под мостами и в туннелях убивало наповал. Казалось, железная дорога доживает последние дни, а с ней вместе и вся страна полным ходом неслась к хаосу и крушению, которого можно было избежать только чудом.

Несколько дней провалялся на вокзале, пока, наконец, попал в поезд, следующий просто – в Сибирь! В вагон и даже на площадку я не попал, а встал только на буфер и так с грохотом под ногами начал свое длительное путешествие в Сибирь. В то время всё это было необходимым и довольно обычным делом, другого выхода просто не существовало.

С каким настроением отпускали меня родители, я уже не помню, может, считали, что еду на верную гибель. Мы ничего не успели друг другу высказать, посочувствовать. В дороге я постепенно влез на площадку, двое суток просидел на своей котомке в коридоре вагона, в холоде с выбитыми окнами.

Наконец я попал в отдельное купе, а потом и на верхнюю полку, где уже почувствовал себя хозяином положения. В течение 2-х недель, перебиваясь кипятком с сухарями и тем, что удавалось перехватить на остановках, я благополучно добрался до Новониколаевска (теперь Новосибирск). Пересадка на Барнаул оказалась довольно легкой, и 15 февраля 1918 года состоялась радостная встреча с семьей после полугодовой разлуки.

Приехал я в Барнаул уже без винтовки. В одной из многочисленных облав и проверок поезда патруль отобрал у солдат всё оружие, даже у группы матросов был отобран, несмотря на бурные протесты, станковый пулемет системы «максим». В дороге выяснилось, что через день после моего отъезда из Пскова немцы высадились в Гапсале и наш полк с боями отступил к Петрограду, а Псков был занят немцами через полусуток после моего отъезда.

Сразу по приезде в Барнаул появились большие заботы. Средства к существованию подошли к концу. Надо было работать. Главный санитарный врач города врач Киркинский заявил, что в городе рабочих мест нет, а в деревню молодого врача посылать нельзя, что надо сначала приобрести опыт и походить поучиться в местную больницу. Я начал ходить туда, но надо было и зарабатывать. Должность не находилась. Пришлось написать и вывесить на дверях объявление: «Прием по внутренним и женским болезням».

За три месяца практики мой заработок дошел до 200-300 рублей в месяц. Несмотря на то что в городе были опытные врачи по женским болезням, мне повезло. Больных ко мне располагало внимательное отношение, нестандартный подход и сострадание. Два случая создали мне ог-

ромную рекламу. Одна больная с острым пельвеоперитонитом была быстро излечена после долгих мучений курсом впрыскиваний по методу томского профессора Грамматикати. Инъекции дали блестящий результат, и громадные инфильтраты за 2 месяца рассосались полностью.

Вторая больная с сильнейшим истощением страдала атонией кишечника. В университете я прослушал и прошел на практике отличный курс массажа, в частности, познакомился с массажем кишечника. Больная боялась принимать пищу. Очевидно, была очень сильная атония. Я провел ей всего 7 сеансов особого массажа кишечника. Через несколько недель не узнал больную, встретив её на улице. Она замечательно поправилась, пополнила и была жизнерадостна.

В один совсем не прекрасный день я получил повестку явиться к главному инспектору здравоохранения. Инспектор потребовал диплом врача. Я предъявил ему свидетельство о том, что я младший врач 177-го Изборского полка 12-й армии в звании зауряд-врач 1-го разряда, уволен в долгосрочный отпуск. Это главного инспектора не удовлетворило. Он потребовал прекращения частной практики и снятия вывески. Вывеску я не снял, но перед словом «врач» добавил слово «зауряд» и заклеил часы приема. Больных продолжал принимать, но их стало меньше. Я сделал попытку через знакомых узнать в Москве, как быть с госэкзаменами, но четкого ответа тогда не получил, только впоследствии узнал, что зауряд-врачам 1-го разряда дано звание врача по постановлению правительства без госэкзамена.

Вскоре один из знакомых, следователь Заремба, предложил мне должность судебно-медицинского эксперта при Ревтрибунале. Ознакомившись с обязанностями, я дал согласие, надо было кормить семью. Зарплата выплачивалась сдельно, за каждое вскрытие. Работы было мало, и когда в апреле 1918 года мне отделом здравоохранения была предложена должность контрольного врача общегородской больничной кассы Барнаула, я согласился.

Врачи города, обозленные на меня за растущую популярность среди больных и за мою должность контролера больничных листов, подняли против меня волну всевозможных сплетен, пытались скомпрометировать. Старая акушерка М.Н.Андреева, хорошая знакомая нашей семьи, предупредила меня: «Смотри, Аполлон, берегись, врачи будут тебя съедать!» Я не обращал внимания на эти нападки, тем более что никто из врачей не согласился занять эту должность, они явно саботировали ее, так как она подрывала их огромные заработки от частной практики.

Политический горизонт затягивало всё больше и больше грозowymi тучами. Ходили слухи об успехах на Урале белого адмирала Колчака. В июле 1918 года колчаковская армия под натиском красных начала отходить глубже в Сибирь. Корпусу чехо-словаков, примкнувших к Колчаку, было разрешено отходить во Владивосток и дальше морем, с оружием вернуться на родину. В городе у нас вызывали большую тревогу известия, что колчаковцы и чехи заняли Новониколаевск и отрезали Барнаул от великой сибирской железнодорожной магистрали. Советом рабочих и солдатских депутатов было выпущено воззвание к рабочему населению о защите города.

Заведующий горздравом Илькович обратился к врачам с просьбой включиться в оборону города. Из 30 с лишним врачей отозвались только двое – пожилой врач Элисберг и я. Нас вызвали в Совдеп для переговоров и получения назначения. Элисберг получил назначение заведовать медпунктом на станции Барнаул, а я дал согласие организовать санитарный поезд для отряда Красной армии, выступающего против колчаковцев по направлению к Новониколаевску.

Председатель Совдепа Цаплин приказал не чинить никаких препятствий в организации санпоезда. Я получил из аптек весь необходимый запас медикаментов, перевязочный материал, инструментарий, белье, одеяла, подушки и прочее. В Совдепе мне дали автомашину и сейчас же со всем этим доставили на вокзал. Начальник станции выделил паровоз, на котором меня доставили в мастерские депо. Там было очень оживленно, формирование отряда было в самом разгаре. По всем направлениям сновали вооруженные люди, среди рабочих мелькали женщины с винтовками. Постепенно подходил и медицинский персонал.

Мы начали оборудовать под лазарет несколько вагонов 3-го класса. К вечеру всё было готово. К классным вагонам прицепили длинный состав теплушек. Штаб занял один классный вагон. Впереди паровоза и сзади его были оставлены платформы, высоко обложенные мешками с песком и амбразурами. На платформу впереди поезда были установлены две старинные пушки времен Ермака, полученные из музея Бийска. Они заряжались с дульной части пыжами, порохом, дробью и обломками железа.

На рассвете отряд выступил в поход. Временами поезд останавливался в чистом поле, а паровоз с блиндированными платформами выступал на разведку, потом возвращался, и поезд трогался дальше. В дороге главная забота бойцов была достать кипятку, перекусить и запастись дровами. Дисциплина была слабая.

Как-то днем паровоз вернулся из разведки с трофеями – наткнулись на группу белых офицеров, купающихся в озере. Бойцы закричали им: «Руки вверх!» и обстреляли, но они голыми бежали без оглядки в лес. Их обмундирование наши бойцы подобрала. Эта неожиданная встреча довольно весело обсуждалась, но серьёзно не была учтена, и отряд довольно беззаботно следовал дальше.

На рассвете на станции Черепаново бойцы толпами побежали за кипятком, болтались по перрону, как вдруг раздался пушечный выстрел, за ним второй, третий. Из-за холма верстах в двух от станции появились дымящие трубы нескольких паровозов – несколько эшелонов один за другим двигались к нам. После небольшой заминки и замешательства наши бойцы цепями потянулись вперед, стреляя из винтовок.

Начался бой. Снаряды трехдюймовки свистели один за другим над нами. Я наблюдал за боем из окна вагона, а медперсонал высыпал на платформу и комментировал обстрел: «Перелет, недолет, в деревне взрыв. Сейчас ударит в поезд. Выходите, доктор!» При свисте снаряда я пригнулся, хотя толку от этого было мало, но не вышел. Но вот мы ободрились – наша артиллерия начала отвечать. Грохнул выстрел музейной пушки, и с первого паровоза противника слетела труба. Затем раздался оглушительный взрыв – нашу древнюю пушку разорвало. С поля боя понесли первых раненых, и мы занялись медицинской помощью.

Перестрелка прекратилась. Наш паровоз стал маневрировать, комплектуя состав в сторону Барнаула. Отряд начал отступление. Недалеко было и до паники. Все бросились в вагоны, и поезд тронулся в сторону Барнаула. На станции Тальменка сделали попытку оказать сопротивление догоняющему противнику, но под угрозой обхода с обоих флангов начали отходить дальше.

Поезд понесся на всех парах. Настроение было самое удручающее. Все признаки развала были налицо. Я лежал на лавке с мрачными думами. Не заметил, что состав не движется, а из вагона все вышли. Вышел на перрон, кругом – ни души. Паровоз шипит и парит, а машинист суетится у топки, спрашиваю: «Куда теперь?» Он неохотно буркнул: «Куда, куда, в Барнаул, и чем скорей, тем лучше». Так отряд прекратил свое бесславное существование, а я через пару часов был уже дома.

Поздно вечером этого же дня на улицах города началась внезапная сильная стрельба. Она стала громче и громче и ворвалась на нашу улицу. Полетели стёкла. Мы загородили окна шкафами и, ничего не понимая, сидели в темноте. Вдруг в дверь на крыльце громко постучали. Я вышел в коридор, спросил:

– Кто здесь?

– Здесь живет врач?

– Да.

– Немедленно окажите помощь.

Я быстро взял дежурную медицинскую сумку с индивидуальными пакетами, кровоостанавливающие жгуты и открыл дверь. Два черных силуэта с винтовками сопровождали меня в полной темноте. Стрельба в городе продолжалась. Пригнувшись, мы быстро шли под самыми окнами домов. Непонятно было – кто и откуда стреляет. Подбежали к углу Соборного переулка и услышали крики: «Сюда, сюда!»

У ворот углового дома на белой лошади верхом сидел военный и кричал, угрожая кому-то револьвером: «Я тебе постреляю!» Вошли во двор. Вдоль заборов лежали люди. Из открытых окон над головой ухали частые выстрелы. Я перевязал всех раненых, наложил жгуты. Закончив, этой же дорогой пустился в обратный путь.

Утром выяснилось, что барнаульские белые, узнав о приближении колчаковцев, попытались занять почту, банк и другие правительственные здания, но были разбиты и отошли за город. Кого я перевязывал ночью – красных или белых, я так и не понял. Население в тревоге сидело по домам, улицы города были пусты.

На следующее утро в город вошел большой обоз белых, и весь город был занят ими. Начали выявлять красных, пошли аресты. Белые и красные поменялись местами, и теперь вокруг города уже начали группироваться красные партизаны. Всё это произошло так быстро, что я не успел установить связь с ними и остался в городе, но мысль об этом не оставил. Началось тревожное время, полное забот, как жить и кормить семью.

Старая знакомая акушерка Андреева пришла предупредить меня, что барнаульские врачи злы на меня и могут сделать какую-нибудь гадость. Почти так и получилось. Через некоторое время я получил повестку от следователя. Мне предъявили обвинение в участии в Красной гвардии, что я участвовал в походе против белых. Я отвечал, что работал врачом и был верен врачебной присяге – лечить раненых людей. Следователь советовал мне подумать и отпустил, обещая вызвать ещё. Но с вызовом не торопился, тем более что события на фронте становились неблагоприятными для белых. При втором вызове повторилось то же. На его угрозы я ответил, что ничего преступного не делал и никаких угроз не боюсь.

Однажды обеспокоенные родители привели ко мне студентку технологического института с просьбой помочь ей. У неё была дизентерия, а лекарства, прописанные врачами, не помогали.

После назначения лечения я посетил её несколько раз на дому. Больная быстро поправлялась. Её отец – Тенисов, оказывается, служил в батальоне охраны Алтайской железной дороги завхозом. В их доме я познакомился с командиром батальона колчаковской армии – седым капитаном Погумирским. Разговорились, он рассказал о болезни жены, она была наркоманом по валерианке. Я оказал ей медицинскую помощь, когда она выпила целый флакон валериановой настойки.

Капитан с завхозом при мне откровенно разговаривали о делах батальона, таинственным тоном прикидывали, куда и как можно продать несколько вагонов мягкого инвентаря. Нетрудно было догадаться, что это были не мелкие спекулянты, а крупные мошенники. Командир поинтересовался моими делами. Я поделился своим горем. Капитан посочувствовал мне, а потом предложил занять вакантную должность врача амбулатории на станции Барнаул. Работа была несложная, и я был гарантирован от мобилизации на фронт против Красной армии (в это время в городе как раз была объявлена мобилизация врачей в белую армию).

Время работы в амбулатории тянулось медленно, новости с фронта поступали редко, а слухи были самые разнообразные, зачастую очень тревожные. Однажды ночью меня срочно вызвали в штаб батальона. В бараках охраны железнодорожного моста произошла катастрофа. Бараки были расположены под обрывом горы Малый Гляден на берегу реки Оби. В мае 1919 года после спада паводковых и почвенных вод огромная площадь супесчаного массива горы, покрытая мелким березняком, подмытая родниками и почвенными водами, начала сползать и в мгновение ока засыпала два барака. Под оползнем были погребены и раздавлены более 20 человек.

Когда под утро я прибыл на место происшествия, произошел еще один оползень глинистого берега горы. На глазах у нас участок почвы площадью приблизительно с десятину с мелкими березками медленно пополз к реке, разрушая все на своем пути. Правда, на пути оползня уже не было людей. Два дня подряд мы, не смыкая глаз, откапывали людей, перебрасывая тонны грунта и оказывая помощь выжившим. Спасти, однако, удалось немногих.

В батальоне начали намечаться новые настроения. Восемь охранников сбежали со своих постов и скрылись. Затем еще пять охранников с полным вооружением бежали из батальона. По секрету начали поговаривать, что поручик Барский из нашего батальона помогает бегству охранников в партизаны. Мысль уйти в лес к партизанам была

у меня всё время, сдерживало только то, что дома оставались 2-летний сын, жена и больные родители жены. Кто их будет кормить? Кроме того, для них могли возникнуть неприятности после моего исчезновения. Вскоре пошли слухи о неудачах колчаковцев на Урале. Все начали ожидать приход красных. На Соборной площади было поставлено 4-х с половиной дюймовое орудие, которое нередко для остротки производило выстрелы в направлении верховьев реки Барнаулки, где были огромные лесные массивы.

Красные наступали по всем фронтам, и, чтобы не быть отрезанными от своих основных войск, белое командование решило эвакуировать барнаульский гарнизон на восток в глубь Сибири.

Вскоре Красная армия вступила в Барнаул и полностью заняла ближайшие населенные пункты. На следующий день я явился в штаб армии и через два дня получил назначение на должность старшего врача 233-го Казанского полка 26-й дивизии 5-й армии. После освобождения Алтайского округа от колчаковцев наш полк получил отдых, а через несколько дней полк был назначен на трудовой фронт по заготовке дров около деревни Мереть, в 20 км от Барнаула. Сюда же по моей просьбе приехала жена с сыном.

Однако не прошло и недели, как полк получил приказ выступить в боевой поход. Боевым заданием было преследовать и ликвидировать колчаковские отряды в горах Алтая. План был такой: 2 полка идут к китайской границе по Чуйскому и Уймонскому трактам, преследуя и не отрываясь от арьергарда противника, а наш 233-й полк быстрым маршем идет по Катандинскому тракту через Черный Ануй, сворачивает влево у границы и выходит в тыл врага сначала по Уймонскому, а потом по Чуйскому тракту.

Полк прошел форсированным маршем до границы, почти не видя противника. Вдоль границы шли по перевалам высоких гор, по узким тропам над пропастями вели навьюченных выносливых алтайских лошадей, нагруженных медикаментами, оружием и продовольствием. Бойцы шли впереди, имея на руках только винтовки. Смерть угрожала из-за каждой скалы.

На склонах высочайшей вершины Алтая – Белухи – белые сделали засаду на труднопроходимом месте и вывели из строя целую роту соседнего полка. Моя санчасть с аптекой немного отстала, была опасность встретить группы белых из разбитых соединений, которые разбрелись по ущельям. Из полка ко мне был послан связной предупредить об опасности, не исключалась возможность нападений из засад.

Нас было 12 человек: я – врач, 5 фельдшеров и 6 санитаров. Поход с грузом по труднопроходимым тропам измотал нас до предела. При крутых подъемах и трудных спусках голодные лошади иногда падали замертво, срывались в пропасти. Некоторые фельдшера с трудом передвигались со сбитыми ногами, в лохмотьях вместо обуви.

Дорога и тропы были усеяны всевозможным брошенным барахлом: пустыми ящиками, целыми россыпями бумаг, оружием, трупами лошадей. Иногда видели убитых людей. Обычно я шел, но иногда ехал верхом впереди отряда, следя за обстановкой впереди и держа винтовку поперек седла. Особенно мы были наготове, когда впереди показывались человеческие фигуры. Я кричал им: «Руки вверх!», мы подъезжали с винтовками наизготовку, опрашивали и, разобравшись, отпускали. Разбитые отряды белых, застигнутые нашим полком врасплох с тыла, отступали, свернув с тракта по направлению к Телецкому озеру.

Однажды мы двигались по скалистому крупнокаменистому берегу бурной горной реки Челушман, протекающей в узком ущелье, по краям которого стояли «бомы» – скалы до километра высотой. Вдруг у большого камня на берегу реки я заметил черную, пригнувшуюся к реке фигуру с двумя ведрами в руках. Я окликнул. Человек не торопясь набрал в оба ведра воды и повернулся ко мне. В это время ко мне подошел весь наш отряд.

Человек с большой бородой, похожий на попа, неохотно отвечал на вопросы.

- Откуда вы?
- Я... я... из Камня.
- Из села Камень?

Он заморгал:

- Да... да... да...

Я указал на несколько пасущихся недалеко лошадей:

- Ваши?
- Нет, нет, не знаю.

Я махнул рукой, и мы пошли дальше. Минуты через три мы остановились, и я подумал: «Почему он брал воду в два ведра? Значит, он не один, а их несколько человек?»

Я решил послать разведку и приказал привести к нам этого бородача. Один санитар из бывших партизан – Ядров и еще один боец вызвались сходить в разведку. В ожидании их мы сделали привал. Прошло 15 минут. Санитары не возвращались. Мы посоветовались. Решили послать еще двух. Когда наше терпение уже готово было лопнуть, на берегу показалась толпа. Она медленно придвигалась к нам.

Ядров торжественно заявил: «Мы их взяли в плен!» Выяснилось, что первая разведка сразу

никого не нашла, начали обыскивать груды камней. Долго искали между камней, кричали: «Выходи! Сдавайся, ничего не будет худого!» Подошла вторая разведка. Опять долго кричали и искали. И снова молчание. Ядров, озорной молодой весельчак, вдруг вспомнил: «Братцы, сегодня, оказывается, первый день Пасхи!» Снова вскочил на камень и закричал: «Христос Воскрес!» И сейчас же за другим камнем появилась фигура с поднятыми руками: «Воистину Воскрес!» Приманка действовала. Фигура оказалась священником. За ним появились все остальные: офицер, фельдфебель, 5 казаков и 3 женщины.

Санитары один за другим подходили ко мне: «Товарищ доктор! Куда револьверы, куда поместить пленных, куда деньги?» Подошли офицер и священник. Офицер спросил:

- Когда нас расстреляют?

Я ответил:

- Не собираемся, мы отведем вас в штаб полка.
- Скажите, почему вас называют доктором?
- Потому что я врач.
- А какая это часть?
- Это околоток.

Офицер опустил голову и сказал:

- Если бы мы захотели, мы уничтожили бы вас.

Мы хотели сдаться какой-либо приличной части... Примите деньги, часы.

- Часы оставьте у себя, а деньги сдайте.

Мы приняли у пленных 5 рублей царских серебряных денег, две большие связки неразорванных листов «керенок», 2 револьвера и пять винтовок.

Утомленные долгими переходами и плохим питанием, люди медленно шли по горным тропам. На одном из вечерних привалов бойцы наотрез отказались двигаться на соединение с основными силами полка. Я говорю, что мы несем ответственность за опоздание, раненые нуждаются в помощи и до ночи нам необходимо сделать еще один переход. «Устали мы, не можем», – отвечают фельдшера, но в конце концов сознательность взяла верх и мы все двинулись в короткий, но трудный подъем на перевал.

С гряды скал на перевале в долине как на ладони были видны строения, люди – мелкие муравьи, и пасущийся скот. Утомленные ноги подкашивались на крутом зигзагообразном спуске, хотелось сесть на землю и заснуть. Когда мы по долине реки Челушман добрались до полка, там была полная тишина. Остатки разбитого белого войска были приперты к берегу Телецкого озера у деревни Кумуртук. Оказавшие сопротивление белые были накануне уничтожены в бою, а остальные сдались. Отступать больше им было некуда, гористые бе-

рега озера покрыты непроходимой тайгой. Операция полка фактически была завершена.

В течение следующих дней полк был погружен на баржи, и буксир потащил нас по красивейшему Телецкому озеру на его северный берег. Узкое озеро в 4-5 км шириной с высокими лесистыми берегами тянется на 90 км к северу.

Полк разместили недалеко от озера в юртах и палатках. Санчасть и госпиталь были помещены в единственном в округе деревянном доме, где раньше жили православные миссионеры, а медперсонал разместился в юртах. Среди местного алтайского населения свирепствовал сыпной тиф. Сыпняк появился и среди бойцов полка, завшивленных в длительном и изнурительном походе. В госпитале разместили 15 больных сыпным и возвратным тифом. Белье, снятое с больных, развешивали на шестах и пропаривали в бане по черному, где лили воду на раскаленные камни, вши в сильной жаре погибали. Санитары боялись снимать белье с больных, приходилось засучивать рукава выше локтя и показывать, как нужно снимать завшивленное белье.

Наступило очень жаркое лето. Однажды разразилась сильная гроза. Молнии сверкали рядом, и вдруг раздался оглушительный выстрел. Наша восьмиугольная деревянная юрта стояла в 10 метрах от лазарета. Мы осторожно выглянули наружу. Оказалось, что ударом молнии в крыше лазарета вырвано несколько досок, крыльцо оторвано от дома, несколько бревен расщеплено на тонкие стержни. Мы подбежали к дому. Из него шел дымок и пыль. По лестнице ползли больные и, оглушенные, ложились на землю. Мы осторожно влезли внутрь. Печь была разворочена, железные заслонки и дверцы валялись на битых кирпичках, пахло селитрой, но никто из больных не пострадал.

Вскоре полк снова выступил в поход. Прибыли на отдых в столицу Ойратской автономной области Улалу – большое селение в долине, окруженное горами.

На вопрос командиру полка, долго ли простоим, он давал уклончивые ответы, но на мою просьбу выписать жену с ребенком не возражал. Вскоре они приехали. Я познакомился с местным врачом хирургом Поливановым, начал посещать больницу и помогать лечить местное население. Так в Улале прошло несколько месяцев, а потом командир посоветовал мне отправить семью домой, так как был получен приказ выступать в поход.

Полк погрузился на подводы и переместился в Бийск, а в марте 1921 года был погружен в теплушки и без остановок доставлен в Петропавловск. Выгрузились. Начала проявляться боевая

обстановка. Петропавловск был занят белыми и освобожден от казаков только перед самым приходом нашего полка. Казаки перерезали сибирскую железнодорожную магистраль и ж/д дорогу Тобольск – Екатеринбург. Основной целью их операции было не допустить снабжения хлебом Европейской части России. Белые под командованием генерала Пепеляева отошли от Петропавловска на север и юг. Наша армия тоже была разделена на две группы. Основной южной группы стал наш полк, а командир полка Соколов был назначен командиром южной группы войск по обороне Петропавловска. К полку были приданы два коммунистических отряда и два 4-х с половиной дюймовых орудия.

Приказом по группе войск я был назначен начальником санитарной части южной группы. Войска южной группы в количестве 1000 человек повели наступление. Они должны были ворваться в центр восставшего района и овладеть главной базой – станицей Лобановкой. В ней находился штаб белых.

Наша санитарная часть следовала в хвосте колонны. Первое время наступали почти без сопротивления. К вечеру с высоты перевала мы увидели в долине станицу Лобановку. Для начала был проведен обстрел села. Вторым выстрелом был снесен купол с церкви, расположенной в центре станицы. В разных концах вспыхнули пожары. Полк, не сходя с подвод, ринулся в атаку. Неожиданно со всех дворов выскочила масса казаков и бросилась со всех сторон на первые подводы обоза. Началась рукопашная схватка.

Основные силы полка замедлили движение, а спешившиеся цепи начали удары с обоих флангов, вытесняя казаков из станицы на лед озера, где их почти всех уничтожили пулеметным огнем.

Санчасть была поставлена в центре села на площади у полуразрушенной церкви. Ожидали приказа занять квартиры, но задержались, потому что разбежавшиеся казаки частью попрятались во дворах и домах. Санитары вывели из дома пожилого казака с пикой, он укрывался на русской печке. Его привели ко мне: «Что с ним делать? Разрешите отправить в Петропавловск?» Это означало – прикончить. Я приказал сдать его в штаб.

Вдоль улицы лежало много трупов в разнообразных позах: и наших, и белых. Были и убитые женщины. Бросился в глаза труп убитой гимназистки в коричневом платье и с пикой в руке. Наш полк тоже понес тяжелые потери. В братской могиле было похоронено 200 с лишним человек. Остатки белых отступили на юг и ушли в Китай. Район был очищен от банд.

1 мая 1921 года я возвратился к исполнению прямых врачебных обязанностей. Командир полка Соколов за военную операцию получил орден Красного Знамени. Мне была объявлена благодарность с указанием, что «проявил большую смелость, которая выразилась в хорошей маневренности санчасти под огнем». После этого мы долго стояли на отдыхе в г. Кокчетаве. А 10 октября 1921 года наш полк был расформирован. Я подал рапорт в Москву начальнику Главного санитарного управления Соловьеву с просьбой о демобилизации. Начался период расформирования 5-й армии, а меня несколько раз переводили из части в часть (дизлазарет-35 в Иркутске, 105-й полк в Омске), в конце концов перевели врачом 228-го пехотного полка, который, как я узнал впоследствии, собирался в поход в район Якутска против появившихся там белых отрядов генерала Пепеляева.

Всё это уже начало надоедать, тем более что от отсутствия лечебного дела я стал терять врачебную квалификацию. А телеграмма из Москвы от Соловьева хотя и была получена, но от меня скрывалась. Пришлось вновь давать телеграмму в Главсанупр с таким содержанием: «Ваше приказание о демобилизации не выполняется. Теряю облик врача».

Опять началась свистопляска с мотанием меня по воинским частям. 14 октября 1922 года я был переведен в распоряжение Упсанарма Восточно-Сибирского военного округа и получил назначение ординатором Красноярского военного госпиталя. Проживали в военном городке в 7 километрах от города в полуразрушенных каменных домах на голодном пайке с зарплатой, на которую можно было купить четверть молока (т.е. 3 литра).

Мы продавали остатки одежды. За шитье платья по заказу Маруся получила как-то полпуда муки, а свою шерстяную кофту продала за 900 000 рублей, на которые можно было купить разве что кусок мыла. Питались скудным воинским пайком – один каравай хлеба в месяц на троих, иногда удавалось достать тощую конину.

30 марта 1923 года получил приказ о назначении меня старшим врачом Омских кавалерийских курсов подготовки комсостава. Появилась надежда на демобилизацию. Гражданская война и интервенция подошли к концу. Наконец, 11 июня 1923 года из Главсанупра пришел приказ о моей демобилизации, и мы с Марусей и сыном Борисом выехали к родителям в Черняковицы.

Между двумя мировыми

Много тяжелых и долгих испытаний за время войны пришлось пережить моим родителям. Немцы заняли Псков. В Черняковицах была нейтральная зона. Двор и сад были изрыты окопами, которые тянулись далеко по берегу реки Псковы. Много дней провели родители в щелях и окопах, когда артиллерийские снаряды с одной и другой стороны летели над ними и рвались кругом. По ночам их навещали группы партизан, приходили крестьяне за советом, со своими нуждами.

После краткого отдыха мне необходимо было позаботиться о работе. Я поехал в Псковский облздрав. Заведующим оказался Емельян Иванович Мильтен – латыш, мой товарищ по университету и по курсу. Вместе мы были мобилизованы на войну. Я рассказал ему, как после университета был мобилизован зауряд-врачом, окончил 5-й курс, воевал и был демобилизован, о том, что получил справку, а диплома вот не получил. Мильтин сказал, что раз он меня знает, то эти затруднения можно устранить, что на работу меня он примет, а скоро поедет в Москву и мое свидетельство там получит. Так как свободных мест по моей специальности не было, он предложил временно занять должность заведующего тубдиспансером. Я согласился и выехал в тубсанаторий «Холомки» в Порховском районе Псковской области, в бывшее имение князя Гагарина.

Занятие помещения было сопряжено с довольно большими хлопотами. Князь Гагарин – инженер-строитель Санкт-Петербургского технологического института и многих других крупных объектов, имеющих, в том числе, оборонное значение, сохранял авторитет и при советской власти. Сам он недавно умер, но в помещениях дворца жила его семья, грубить и ругаться с семьей было неудобно, но в то же время потеснить бывшую княгиню пришлось. При увеличении числа больных необходимо было увеличивать и площади под палаты. Бывшая челядь княгини за это пыталась насолить нам – два раза здание поджигали изнутри, но всё-таки мы отстояли помещения.

Дворцовые здания, расположенные на холме у реки Шелонь в живописной лесистой местности, были в отличном состоянии, с паркетными полами, отличной дубовой мебелью, шкафами и шифоньерами красного дерева. Один год промелькнул незаметно, однако места подходящего для меня всё не находилось. В этот 1924 год прошла денежная реформа. Были введены червонцы, равные 10 золотым рублям. Вместо многих тысяч рублей моя зарплата превратилась в 32 рубля червонцами.

Я ознакомился с теорией, клиникой и современными по тем временам способами лечения туберкулеза, с его осложнениями, но предрасположения к этой отрасли медицины у меня не было. Вскоре облздрав предложил мне занять освобожденную должность заведующего 4-м медицинским участком Псковского уезда, расположенным у станции железной дороги Красные Пруды в деревне Шванибахово. Это устраивало меня, во-первых, потому, что это было в 30 км от Пскова, а во-вторых, ближе было к лечебной медицине, и в особенности к акушерству и гинекологии.

В августе 1924 года я с семьей переехал туда. Передо мной открылось широкое поле всевозможной деятельности. Надо было сосредоточить внимание на главном. Прежде всего, занялся капитальным ремонтом полуразрушенного хозяйства, которое долгое время было без руководства. Обновил амбулаторию, отделал кабинеты, покрыл краской стены, полы, восстановил артезианский колодец с водопроводом, из полуразрушенного барака построили новую больницу на 10 коек, из которых две койки отвели под родильное отделение. В запущенном бараке отремонтировали комнаты для медперсонала, там же поселилась и моя семья.

Имея большое желание продолжать начавшуюся еще в университете специализацию в гинекологии, я организовал женскую консультацию с циклом лекций, и вскоре консультация завоевала такой авторитет, что в день профилактики по четвергам в амбулатории собиралось до 200-300 женщин. Псковская деревня в те времена была довольно бескультурная, глухая. Женщины боялись рожать в больницах, считали, что на больнице лежит «печать антихриста».

Мы начали лекции о пользе родов в роддоме, повели борьбу с «бабками», а двух «бабок» предали суду за истязание женщин и смерть при родах. После родов мамаш с новорожденными на руках рассаживали на лекциях и просили «выступить», т.е. рассказывать, как к ним относились в больнице. Медперсонал, особенно акушерка Ирина Васильевна, оказывал мне в этом огромную помощь. Постепенно мы завоевали доверие женщин. Двух коек уже не хватало. Разъезжая по участку, я производил медосмотр сотен учащих деревенских школ. Школы ютились главным образом в маленьких и жалких хибарках.

Из Москвы Мильтен вскоре привез свидетельство за № 1054 о присвоении мне звания врача без государственного экзамена на основании закона Временного правительства о военном положении и о зауряд-врачах первого разряда.

В Красных Прудах мы пережили и тяжелое горе, когда от цереброспинального менингита после перенесенного гриппа погибла любимая и единственная 2-летняя дочка Галя.

Нагрузка на работе быстро возрастала. Добавилась и общественная работа в Союзе сельскохозяйственного товарищества. На основной работе мой медучасток имел 24000 населения. Радиусы от медпункта по сторонам света были 32-12-18-24 километров. Редкие дни не было выездов по вызову к больным. Один выезд, особенно в дожди, в осеннюю грязь занимал весь день, а нередко затягивался на ночь. Автомобилей в то время у медицины не было, и на все вызовы приходилось или идти пешком, или трястись на двухколках. В моей работе не хватало дня, чтобы выполнить все намеченные дела.

В 1927 году я был направлен облздравом на курсы усовершенствования по акушерству и гинекологии в Ленинград в бывший Оттовский институт на 3 месяца. Эта учеба многое дала мне и подкрепила теоретически то, что было уже наработано личной практикой.

В 1928 году облздрав предложил мне должность главного врача в Пскове в окружном исправительно-трудовом доме. После некоторых раздумий я поступил в ОИТД, учитывая возможность перевода на работу по специальности и чтобы иметь свободное время для повышения квалификации по акушерству и гинекологии.

Первого апреля 1928 года я переехал с семьей в Псков. Квартира на берегу реки Псковы в центре города оказалась очень хорошей, на 2 этаже, площадью 60 кв метров. Работа главного врача была иногда неприятная, но я был не очень загружен и начал бесплатно в свободное время работать в родильном отделении 2-й горбольницы сверхштатным ординатором. Впоследствии мне предложили должность заведующего родильным отделением этой больницы.

В декабре 1929 года меня с двумя учительницами направили в район для участия в кампании по коллективизации. Наша бригада ездила по деревням. В каждой большой деревне, где был сельсовет, мы собирали народ.

Очень трудно было вызвать крестьян на беседы — они в основном молчали, сидя с шапками в руках, и смотрели в пол. Но бывали и откровенные разговоры, за вступление в колхоз высказывались в основном бедняки. В этот же год ликвидации кулачества меня вызвали в ГПУ и поручили осмотреть эшелон раскулаченных, отправляемых на север страны. В одной из теплушек я вдруг узнал бывших хозяев дома, где я жил в деревне Шванибахово у крестьян

нина-середняка Ивана Федоровича, крепкого, трудолюбивого человека, не имевшего батраков. В вагоне сидели его жена, больная сестра, дочь Нюра 14 лет. Я написал в ГПУ письменное заключение о плохой трудоспособности семьи, рассказал об их работе и т.п. После этого их с эшелона сняли. Сколько было несправедливости в отношении других подобных семей, можно только догадываться, но всех спасти от переселения было невозможно. Такова была несправедливая политика отголосков времен военного коммунизма.

В апреле 1931 и в мае 1932 г. дважды замещал заведующего труднодоступным врачебным участком на острове Залит на Псковском озере, оказывая врачебную помощь жителям. На острове жили в основном рыбаки с семьями. Мы провели там замечательное время, общаясь с этими дружными людьми, выходя на рыбалку и перепробовав всё, что водилось в глубинах красивого озера.

За всё время работы в Пскове я состоял преподавателем по специальности «акушерство и гинекология» в медицинском техникуме, где директором был врач Горицкий, расстрелянный, как впоследствии я узнал, советской властью во время Отечественной войны. Подробности этой трагедии мне были неизвестны.

В 1933 году мне пришлось получить большую и незаслуженную обиду за чужие грехи. Из деревни Идрица в больницу поступила роженица, у которой после вмешательства в роды «бабки» открылось большое кровотечение. Пока её через 12 км доставили в больницу, она была совершенно обескровленная. Я пытался помочь ей, но все мои усилия были напрасны. Через некоторое время больная умерла.

Дежурная медсестра вовремя не вызвала меня к больной, испугалась, что ее осудят за сон на дежурстве, и сделала на меня донос за неказание должной помощи. Судебный медэксперт, проходившая кандидатский стаж в ВКП(б) (ей очень хотелось «выслужиться» перед вступлением в партию и не хотелось подводить главного врача больницы Зберлина за отсутствие консервированной крови), всю вину свалила на меня. Кому-то отвечать за смертельный случай было надо. Нарсуд обвинил меня в халатном отношении со смертельным исходом и дал один год принудительных работ с вычетом 20% зарплаты. Судимость была снята с меня автоматически через несколько лет, когда меня уже не было в Пскове.

Прошло несколько лет, и председатель облисполкома Иванов однажды в разговоре со мной к слову спросил, не думаю ли я о вступлении в партию. Тогда я ответил ему: «Поздно уже. Об этом надо было

думать тогда, когда воевал, а теперь я не готов к этому. Я человек ограниченный и по своей специальности могу принести больше пользы, чем на партийной работе на ответственных должностях, я не справлюсь. Кроме того, хотелось вступить в партию без всяких «огрехов», а в 1933 году за смерть больной мне дали условно 1 год принудработ».

Отношения с горздравом складывались натянутые, я воспользовался случаем и согласился поехать в Карелию со своим близким товарищем и другом врачом Лебедевым, которому предложили пост министра здравоохранения Карелии. Он пригласил с собой меня. В апреле 1933 года мы переехали в Петрозаводск, сын Борис пошел учиться в единственную 1-ю десятилетнюю школу (пр. Ленина, 22,24, напротив гостиницы «Северная», в исторических деревянных зданиях).

С 14 апреля я вступил в обязанности заведующего гинекологическим отделением Республиканской больницы в Петрозаводске. Правда, потом я об этом пожалел, но было уже поздно. Оказалось, что на эту должность имели виды местные врачи-гинекологи и они открыли объединенный фронт против меня. За 2 года и 7 месяцев я овладел оперативной гинекологией, сделал сотни операций, многие женщины Петрозаводска в эти годы были вылечены от женских болезней и обзавелись потомством.

Травля меня местными врачами была, конечно, очень неприятна, но мало удавалась до тех пор, пока во главе карельского здравоохранения был Лебедев. Когда он был снят с должности и арестован ежовской кликой, удерживаться на должности заведующего мне стало тяжело. В это же время заболели мои родители в Черняковицах, я подумал о переводе в Псков, тем более заведующий псковским горздравом телеграфировал, что есть вакансия по моей специальности.

Несмотря на ту травлю, которая была развернута против меня, мне не очень хотелось уезжать из Карелии. Здесь у меня появилось много интересных знакомых. Одним из них был финский поэт Ялмари Виртанен. Я часто бывал у него, читал его только что написанные и более ранние произведения. Что-то очень нравилось, что-то не очень, но он всегда благожелательно воспринимал чужое мнение, и мы с ним часто беседовали о поэзии.

Он был очень приветливым человеком, иногда, правда, до приторности. Однажды в его квартире собралась не очень знакомая мне компания. После болтовни и шуток Ялмари предложил всем – мужчинам и женщинам – поваляться на полу на коврах. Это было, конечно, оригинально. Я решил посмотреть, что же будет дальше. Ничего особенного больше не последовало.

На этом собрании у Ялмари мне почувствовались знакомые нотки «огарчества», которыми была охвачена часть интеллигенции в годы «столыпинской реакции», когда интеллигенция переживала годы идейного упадничества, начала превозносить культ наслаждений. Что-то подобное и тревожное наступало и в Советской России в преддверии пика репрессий 1937-38 годов, что тревожное витало в умах интеллигенции. Потом мы узнали, что Виртанен бесследно исчез, предполагали, что он бежал в Финляндию, но впоследствии я узнал, что он был необоснованно репрессирован, затем восстановлен в правах, бывал потом в Петрозаводске и умер в 1939 году.

23 ноября 1935 года я выехал в Псков. Квартиры в городе не оказалось, и пришлось поместиться в гостинице. Нам был отведен бесплатно самый лучший номер. В гостинице мы прожили 7 месяцев. Потом нам дали квартиру по улице Некрасова, 29. Во время Отечественной войны немцы разобрали этот новый деревянный дом и построили из него доты.

Следующие годы работы в Пскове с 1935 до 1939 г. остались самыми тяжелыми воспоминаниями на всю жизнь. В 1936 году отец однажды попросил меня осмотреть его живот, где слева он почувствовал какую-то болезненную плотность. Действительно, в области кишечника слева я нашел плотную опухоль, подозрительную на рак. Наш опытный хирург Рисположенский подтвердил мои опасения и посоветовал съездить на консультацию к профессору Петрову в Ленинград. Петров подтвердил диагноз и предложил операцию.

Отец был угнетен диагнозом, но от операции отказался. Не прошло и пяти дней после возвращения из Ленинграда, как у него поднялась температура, начались задержки в мочеиспускании, и он умер при явлениях сердечной слабости и сильных болей в животе. Он был человеком сильной воли. За его трудолюбие и спасение лесов в 1-ю мировую и Гражданскую войны он был награжден после выхода на пенсию усадьбой и домом в деревне Черняковицы. Уже после Великой Отечественной войны сын Борис побывал в Черняковицах – ни дома, ни заповедной корабельной рощи уже не было – всё сгорело в огне войны. Ранняя молодость сына протекала у любимого деда, и на всю жизнь сохранились приятные воспоминания о прожитом там времени.

После смерти отца мама сильно загрустила. Она переехала к нам в город, но мы не сумели отвлечь её от мрачных мыслей и развеять одиночество. Её поразил страшный контраст между свободной самостоятельной жизнью в своем хозяйстве, полной всевозможных впечатлений, и тем жалким одино-

чеством у нас в городской квартире. Вскоре у неё начались те же почечные явления, какие были перед смертью у отца, и в течение нескольких дней её не стало. С тех пор прошло много лет, но память о тех днях не изгладилась, она постоянно причиняла боль при воспоминаниях, возникали самоупреки – всё ли мы сделали тогда, чтобы этого не было? В эти же годы умерла в Барнауле и мать Маруси.

После смерти родителей у нас не осталось ничего общего с Псковом. Каждый предмет навевал тяжелые воспоминания. У нас осталась единственная родственница – сестра Маруси – Анна, живущая в Москве. Она очень соблазняла нас перевестись на работу в Москву. Я подал заявление в Мособлздрав и получил разрешение на проезд. С 27 октября 1939 года я был назначен ординатором роддома на 90 коек в Наро-Фоминске, в 72 км от Москвы, предварительно прослушав в столице трехмесячные курсы по токсикологии.

За полтора года жизни в Наро-Фоминске в первое время мы не пропускали ни одного выходного дня, чтобы не побывать в Москве, побегать по музеям, по интересным местам и объектам, съездили по только что построенному каналу Москва – Волга, а потом началась война.

Великая Отечественная война

В день начала войны 22 июня 1941 года был мобилизован главный врач Наро-Фоминского роддома Идельсон, а 22 июля и я получил повестку из военкомата. Заместителем осталась врач Варвара Павловна Титова.

Моя военная «карьеря» началась бурными событиями. Август и сентябрь 1941 года я пробыл в Туле, где производилось переформирование разбитых и укомплектование новых воинских частей. 1 октября я получил назначение ординатором армейского госпиталя легкораненых (ГЛР) 1-го Украинского фронта.

Армия заняла позиции у Почеп. Около двух недель шли бои местного значения, а 6 октября мы неожиданно узнали, что 40-я, 10-я и наша 3-я армии находятся в окружении, противник крупными танковыми частями занял город Брянск и находит глубоко в нашем тылу. Все попытки прорваться к своим были отбиты. Постепенно армии превратились в неорганизованную толпу, мечущуюся в панике туда и сюда.

Массовому оружию немцев – автоматам – мы противопоставляли пятизарядную винтовку. 5-6 немецких автоматчиков легко разгоняли целый полк.

В 20-х числах октября наши три армии закончили свое существование. Бойцы маленькими группами, разбросанные по лесам, сдавались массами в плен. Пленные были сосредоточены в г. Севске. В плену остался и я в организованном немцами госпитале по уходу и лечению русских раненых.

7 января 1942 года я вместе с подлеченными бойцами ушел из плена к партизанам в брянские леса в соединения генерала Александра Николаевича Сабурова. Это воинское образование впоследствии совершило большой рейд длиной в 800 километров из брянских лесов по немецким тылам в белорусское Полесье.

В партизанской армии Сабурова в то время было четыре отряда. Командиром нашего отряда был Иван Федорович Боровик (погиб в п. Слободно, недалеко от Овруча в конце 1942 года), меня назначили начальником санчасти отряда. База нашего 1-го донецкого (сталинского, из бывшего г. Сталино) партизанского отряда армии А.Н.Сабурова долгое время была в Полесье в глухих лесах между городами Мозырь и Овруч. О самоотверженной борьбе в тылу врага, о друзьях-партизанах генерал Сабуров рассказал в своей книге «За линией фронта». Много страниц в ней посвящено рассказу о том, как в мае 1943 года в ряды партизан, в частности в наш отряд, влилась большая группа словацких солдат и офицеров.

В книге описаны эпизоды, в которых мне пришлось участвовать непосредственно, в частности, в ликвидации так называемой Локотской республики (п. Локоть, Брянской обл.), организованной предателем Воскобойниковым. В этом бою среди партизан было много потерь, был смертельно ранен ближайший соратник Сабурова Пашкевич, которого я прооперировал, но в отсутствие медикаментов у него развился перитонит, и в конце концов он умер. Сам бой и этот эпизод хорошо описаны Сабуровым в книге по материалам, которые я отослал ему уже после войны.

За время нахождения в партизанском отряде много пришлось пережить, мной было сделано много различных операций по восстановлению здоровья бойцов, но много было и тяжелых случаев, когда при отсутствии медикаментов, хорошего операционного инструмента и элементарных условий бойцам уже невозможно было помочь. Уже сейчас ясно, что если бы в то время в армейской медицине был бы пенициллин, треть раненых можно было бы спасти.

Тяжелым воспоминанием из нашей жизни в партизанском отряде остается случай с героем-разведчиком Васей Шевелевым, получившем обморожение обеих ног, усугубленное сыпным тифом. Ноги

пришлось ампутировать. Все годы после войны я вел переписку с этим мужественным, не умеющим унывать настоящим советским человеком. В его письмах никогда не было ни одного упрека в мой адрес, хотя я считал себя виновным в его несчастье как руководитель партизанского «госпиталья-шалаша», в котором и произошла ампутация ног. Подробнее и этот случай, и многие другие описаны мной в «Записках врача-партизана».

В июле 1943 года наш отряд после овладения укрепленным пунктом немцев – новые Шепеличи на реке Припять, облегчил переход Красной армии через Припять. Основные кадры нашего 1-го донецкого отряда, организованного и направленного ЦККП(б) Украины из Киева через фронт в немецкие тылы, после расформирования отряда выехали в Киев, а остальные влились в состав частей 2-го Украинского фронта. В это же время мне пришло письмо от начальника тыла Красной армии, что 17 июня 1943 года мне присвоено звание «майор медицинской службы». В этом же году, по рекомендации командира партизанского отряда Боровика и двух партизан-коммунистов, меня приняли в партию.

После соединения нашего отряда с Красной армией я был назначен ординатором-гинекологом армейского ГЛР 2667 с постоянными разъездами по местам расположения воинских частей для организации гинекологических отделений. Моими пациентами были женщины-врачи, медсестры, связистки, женщины-бойцы зенитных батарей. Эти батареи иногда состояли исключительно из женщин.

Бывало, наши госпитали, несмотря на то что по периметру территории были обозначены белыми полотнищами с красными крестами, подвергались бомбардировкам. Запомнился один случай, когда госпиталь стоял в Ровно и в течение месяца ежедневно в одни и те же часы подвергался бомбежкам. Из зданий вылетали стекла, падали занавески, здания сотрясались от разрывов. Кухню госпиталя и столовую уничтожило вместе с персоналом. При каждой тревоге многие бежали прятаться в щели, а «мои» женщины никуда не прятались, не проявляя видимого чувства страха.

8 мая 1945 года, находясь в г. Зорау, мы услышали ночью большую стрельбу. Подумали сначала о какой-нибудь провокации немцев, но это оказалась стрельба радости от пришедшей наконец Победы над Германией. 29 мая по приказу я выехал в г. Риза на реке Эльба, где в старинном замке, выделенном под госпиталь, организовал акушерско-гинекологическое отделение на 50 коек. В этом отделении лечили не только военнослужащих нашей армии, но и гражданских не-

мецких женщин, среди которых было много больных.

В практике гинекологических отделений военных госпиталей было много аборт, сложных случаев и патологий, были роды; несмотря на военное положение, жизнь брала своё, и женщины и мужчины даже в условиях войны всегда оставались самими собой.

В июле поступил приказ о возвращении на родину. По пути в Москву я в Киеве получил награды: медаль «За Победу над Германией», орден Красной Звезды и медаль «Партизану Отечественной войны 1-й степени», а позже в Москве получил второй орден Красной Звезды за участие в тяжелых боях у р. Эльбы и организацию многих гинекологических отделений в боевых условиях.

В течение более года после Победы меня не демобилизовывали, предлагали остаться гинекологом в армии с немедленным присвоением звания подполковника медицинской службы и дальнейшим ростом, но душа не лежала к этому, хотелось большой работы по специальности, хотелось наверстать потерянные годы для поднятия квалификации.

На гинекологическом «фронте»

Наконец в конце 1946 года меня демобилизовали, и мы с женой после некоторых колебаний возвратились в город Наро-Фоминск. Город Наро-Фоминск был сильно разрушен, семь раз переходил из рук в руки и представлял собой сплошную разруху и пепелище.

За годы работы в Наро-Фоминске до войны мы получили уютную квартиру, обставили скромной мебелью, собрали библиотечку, была швейная машинка – любимица Маруси, велосипед и всё остальное для нормальной жизни. В октябре 1941 года всё это пришлось бросить, я уже был на фронте, а жена Маруся под бомбежкой выехала к моей сестре Елене в Башкирию в село Зилаир, куда, спасаясь от оккупации Петрозаводска финскими войсками, перебралась жена сына Бориса Вера с только что появившимся на свет внуком, тоже Борисом. Его назвали так потому, что корабль сына в знаменитом Таллинском переходе флота был разбомблен, было известие, что все погибли. От сына Бориса полгода не было никаких известий

Приехав после войны в город, мы, конечно же, не обнаружили ни своего дома, ни домашнего скарба. Роддом во время наступления немцев на Москву был превращен в развалины, сохрани-

лась только часть подвала. Из подземелья торчала одна рельса.

Сначала жилье нам не дали, и мы сняли комнату в сохранившемся частном доме, но вскоре получили комнату в здании при роддоме, который развернули на 50 коек в нижнем этаже городской больницы. Жили без обстановки, приспосабливаясь как могли. От старой квартиры ничего не осталось, но знакомые нам подсказали, что кое-что из нашей мебели видели в квартирах некоторых граждан. На основании распоряжения местных властей нам удалось вернуть стол с массивными резными ножками, дедовскую никелированную кровать, буфет и кое-что из мелочей.

В одной квартире по указанному мне адресу я нашел на стене свою картину «Закат на рейде». Хозяйка убеждала нас, что это их фамильная ценность и она её ни за что не отдаст. Я не собирался настаивать, мне даже льстило, что картина, написанная моей рукой, так понравилась, но возмутила наглая изобретательность и самоуверенность.

Работать пришлось в тяжелых условиях, теснились без своей операционной, без кухни, столовой и прачечной. Находились в полной зависимости от главврача больницы на правах отделения. Жить и работать в Наро-Фоминске в стесненных условиях с постоянным выпрашиванием и одолжением самых простых вещей для нормального функционирования роддома надоело. При повышенной требовательности Мособлздрава и при массе недостатков я понял, что мне не справиться с работой, строительство нового роддома постоянно откладывалось на неопределенный срок, а прозябать роддому в больнице с инфекционным отделением было рискованно.

За время работы в гражданском ведомстве я три раза ездил на усовершенствование в ЦНИАГИ (бывший Оттовский институт) в Ленинград по акушерству и токсикологии. Имея возможность лично близко познакомиться со многими знаменитыми профессорами (Отт, Кинарский, Марковский, Строганов, Бубличенко, Скробанский, Улеко-Строганова, Гентер) и их ассистентами: Яковлевым, Ягуновым, Мандельштамом, Петербургским, которые потом тоже стали крупными величинами, работая с ними, я окреп по оперативному акушерству и гинекологии, по диагностике и теории. Появилась профессиональная уверенность.

В 1947 году мы съездили в отпуск в Башкирию к моей сестре Елене, где после военных тревог и семилетнего безотпускного времени хорошо провели время. Башкирия нам понравилась, понравился и город Стерлитамак, несмотря на то, что в то время Стерлитамак был захолустный городиш-

ко с захудалыми маленькими домиками с огромными ставнями. Мы назвали его «одноэтажная Америка» и решили, что нам здесь неплохо бы пожить в тишине и покое после Москвы и бурных военных лет, тем более что сестра очень соблазнила нас переехать в Башкирию. На мой запрос из Башкирии пришел ответ – приезжайте. В Минздраве Башкирии министр здравоохранения Лукманов предложил на выбор Стерлитамак или Мелеуз, но потом отметил, что особенно необходим врач в Стерлитамаке.

На мое заявление об уходе заведующая Мособлздравом Зубкова сказала, что гинекологов не отпускают, но когда я им доказал, что гинекологов в штате Мособлздрави больше чем положено по штату, легко отпустила. На прощание меня наградили бронзовой медалью «В память 800-летия Москвы».

С 28 ноября 1949 года приступил к работе. В городе в это время начался бурный рост строительства очень крупных объектов общегосударственного значения. Население быстро увеличилось с 30000 в 1949 году до 110000 и более в 1960. Родовспоможение, однако, очень отстало от роста населения – ничего для улучшения этого ненормального положения не делалось. Десять лет без расширения коечной сети, роддом задыхался в тесноте и неудобстве. Коридоры были заполнены койками с родительницами. К началу 1955 года положение стало нетерпимым. Мое предложение расширить роддом было отвергнуто. Строительство нового роддома было запланировано только на следующую пятилетку. Но ждать было нельзя ни одного года. Была явная угроза развития септической инфекции, но от принятия мер по строительству хотя бы прачечной власти уклонялись. Наша прачечная постоянно выходила из строя, водопровод отсутствовал, воду подвозили на телегах бочками.

Не было в роддоме овощехранилища, сарая для хранения дров и холодильника. Власти помогали мало, а ругали много. По временам опускались руки – не хотелось быть козлом отпущения за бездеятельность ответственных товарищей в горсовете и горздраве. Я, как депутат горсовета четырех созывов, повел агитацию со многими депутатами о необходимости построить рядом со старым роддомом запланированную поликлинику, немного переоборудовать её и использовать под роддом. Это создало хотя бы и не полный, но временный выход из затруднительного положения.

После утверждения горисполкомом моего проекта приступили к подготовительной работе: быстро составили план строительства, утвердили на горсовете, нашли подрядчика, заготовили матери-

алы. Это заняло полгода. Разгар строительства был в 1955 году, а в 1956 году роддом начал работать на 100 коек. Вскоре и этого количества стало не хватать, население города быстро росло, прибавились и новые трудности – неисправная прачечная и дезкамера при новых больших нагрузках постоянно выходили из строя, что угрожало катастрофой в виде эпидемии сепсиса. Прачечная так и не была построена, и постоянная опасность катастрофы была снята с главврача только в 1964 году, уже после моего ухода на пенсию.

В 1960 году я ушел на пенсию не только по возрасту, но ещё и потому, что не сложились хорошие отношения с заведующей горздравом, которая запустила ложный слух, что я не врач. Диплома у меня на руках действительно не было в связи с тем, что, когда начинаются войны, любое государство стремится выпустить специалистов как можно быстрее. Не всегда получается так, что выпускникам в этом случае выдаются такие же документы, как в мирное время. Так было не только при начале 1-й Мировой войны в России, но и в СССР во время начала Великой Отечественной войны, когда сотням выпускников были выданы только свидетельства об окончании учебных заведений. Такое свидетельство служило мне более 40 лет при приеме на работу.

Меня вызвали в горком КПСС, выслушали, мои объяснения были найдены правильными, и печать самозванца была с меня снята.

Началась жизнь на пенсии. 8 лет работы в Стерлитамаке прошли в бурной деятельности, в постоянной борьбе за улучшение родовспоможения. До моего появления в роддоме заведующие менялись каждый год, я выдержал 8 лет в очень трудных условиях, и это было своего рода достижение. Кроме основной работы главврачом в роддоме, я был 8 лет депутатом горсовета, 4 года председателем секции здравоохранения горсовета, 12 лет членом общества «Знание», 12 лет вел курс акушерства в Стерлитамакском медучилище. Кроме всего этого, принимал участие в различных обследованиях по поручению горкома и горсовета, вел консультационный прием больных по гинекологии, был внештатным корреспондентом местной газеты.

За время работы в Стерлитамаке мой авторитет врача акушера-гинеколога поднялся среди женщин, меня в шутку начали называть «женским богом». После прихода с работы мне часто не было покоя и дома. Очень многие женщины хотели посоветоваться со мной по многим разнообразнейшим вопросам. Думаю, что это было от большого доверия ко мне. Видимо, их привлекал ко

Послесловие

мне большой и хороший эффект от лечения. Многие сотни женщин слушали мои лекции по гигиене в местных клубах и домах культуры. Возникало множество вопросов, иногда сложных, очень интимных, на которые нужно было давать ответы.

Вольно или невольно у меня начиналась частная практика, которой я был ярый противник. Как коммунист, я должен был оказывать бесплатную медпомощь женщинам. Я знал это и всё-таки, несмотря на большое сопротивление, вынужден был иногда принимать подарки за медицинский совет или лечение. Из этого противоречия у меня не было выхода. Все мои меры не помогали. Я вынужден был отказывать в приеме, но это оказалось невозможным при массовом стремлении женщин попасть ко мне на прием.

Я попробовал всё – отказывал, ставил условия приема без всякого гонорара, направлял к другим врачам, говорил, что меня нет дома, и т.п. Некоторые женщины пытались всучить деньги при рукопожатии, незаметно подбрасывали 25 рублей под клеенку стола, в коробочки, в карманы пальто и т.п. И не всегда мне удавалось вернуть их по адресу. Сила их благодарности была беспредельна.

Запомнился один случай. Молодая женщина была на приеме у одного гинеколога и ушла от него в ужасе от диагноза – рак. Потеряла интерес к жизни, но по совету подруг пришла ко мне в глубоком горе за последним советом. Я тщательно осмотрел её и не поверил своим глазам – у неё была нормальная беременность 2 с половиной месяца. Сначала она молча смотрела на меня с вытаращенными глазами, выражая полное недоверие, потом выразила изумление, потом молча встала, положила сверточек на стол и быстро ушла. Я развернул бумажку. В ней было 300 рублей. Я с трудом догнал её на улице и силой возвратил подарок. Я сказал, что я не виноват, что она беременна и здорова. Случай был похож на анекдот. В конце концов я устал от такой «борьбы» и решил отказаться от приема. Написал на дверях табличку: «Приема нет».

В конце 1961 года мы выехали к сыну в Петрозаводск, на 5 дней задержавшись у родственников в Москве, и в июле прибыли в Петрозаводск. Через год жительства в Петрозаводске меня пригласили работать сначала в гарнизонный госпиталь Петрозаводска на должность заведующего гинекологическим отделением, а потом гинекологом в больницу Соломенного, где я проработал ещё до 1968 года.

*Фото предоставлены
внуком А.Н. Зубковича – Борисом*

На этом биографические воспоминания деда заканчиваются. Они повествуют о жизни и работе врача-гинеколога на фоне самых трагических периодов истории России в XX веке.

Великую Отечественную войну дед прошёл от Тулы до г. Риза на реке Эльба. На этом пути было всё: плен, партизанские походы по тылам противника, 2-й Украинский фронт, открытие акушерско-гинекологических отделений в освобожденных от врага российских и немецких городах и достойные награды.

Но самые главные достижения деда были на гинекологическом «фронте». Он провел сотни, если не тысячи сложных и несложных операций, с его помощью в России от Иркутска до Пскова и Петрозаводска появились тысячи младенцев, были вылечены сотни женщин. Авторитет деда Аполлона как врача акушера-гинеколога среди женщин был очень высок.

В октябре 1973 года умерла его любимая Маруся, с которой он прожил 60 счастливых лет. Это была очень счастливая пара, которая поддерживала и дополняла друг друга все беспокойные годы XX столетия. Дед очень переживал утрату, получилась та же история, что случилась с его мамой, которая, когда осталась одна, не смогла справиться с потерей мужа и одиночеством и очень быстро ушла из жизни.

Как мы его ни удерживали, вскоре после смерти жены дед переселился в Дом ветеранов, решив, что среди людей его возраста ему будет жить менее одиноко, хотя последние годы жил в уютной квартире в самом центре Петрозаводска, около кинотеатра «Победа», и мы часто посещали его. Его организм, несмотря на военные годы и возраст, был достаточно крепким; сердце и мозг работали отлично, до последних дней он рисовал и отлично играл в шахматы, и если бы не самая обычная весенняя простуда, которая дала осложнения на сердечно-сосудистую систему, он бы мог вполне прожить до столетнего юбилея.

18 мая 1977 года его не стало. Окончилась жизнь человека, который прожил со страной многие беспокойные годы, принимал участие в революции 1905 года, Февральской и Октябрьской революциях, Первой мировой войне, Гражданской войне и Великой Отечественной войне 1941–45 годов, видел царя Николая и Ленина, принимал участие в организации гинекологических служб в Иркутской, Алтайской, Московской, Псковской областях, Карелии, Башкирии и даже в побежденной Германии.